

Ефим КУРГАНОВ

ЗАБЫТЫЕ ГЕНЕРАЛЫ 1812 ГОДА:
ГЕНЕРАЛ-ШПИОН

или ЖИЗНЬ ГРАФА ВИТТА

@ЭЛИТА

16+

Ефим Курганов

**Забывтые генералы 1812 года.
Книга вторая. Генерал-шпион,
или Жизнь графа Витта**

Электронное издательство "Аэлита"

2010

Курганов Е. Я.

Забутые генералы 1812 года. Книга вторая. Генерал-шпион, или Жизнь графа Витта / Е. Я. Курганов — Электронное издательство "Аэлита", 2010

В советское время о графе Иване Осиповиче Витте писать нельзя было или можно было писать только очень плохое, чисто негативное, ибо именно он разоблачил перед Александром Павловичем готовившийся заговор декабристов. Произошло это в Таганроге, за несколько недель до смерти императора. Но теперь о графе Витте и можно и даже нужно писать — особенно в связи с 200-летием войны 1812 года. Граф Витт олицетворял собою личную тайную полицию императора Александра I. А началось все с того, что после Тильзита в 1807 году граф Витт, самый молодой полковник русской гвардии (25 лет) вдруг неожиданно вышел в отставку и через несколько месяцев оказался в Европе, в армии Наполеона, и даже в походной канцелярии французского императора. Однополчане хотели через полковой суд вычеркнуть его из списков гвардии, но Александр Павлович остановил это, никак не объясняя. А в 1812 году, за несколько недель до начала войны. Иван Витт перешел через границу и явился к Барклаю де Толли с целым чемоданом секретных документов французской разведки. Так началась карьера Витта как личного агента российского императора. В предлагаемой книге впервые восстановлена вся биография графа Ивана Витта, насыщенная самыми невероятными поворотами.

© Курганов Е. Я., 2010

© Электронное издательство
"Аэлита", 2010

Содержание

Историческая справка	6
Часть первая. Вблизи двух императоров, или предыстория 1812 года	7
Из записок генерала от кавалерии графа Ивана Осиповича	8
Витта, кавалера ордена Святого Иоанна Иерусалимского и	
других российских и иностранных орденов	
Извлечения из записок генерала Ивана Витта. Материалы тома	9
«Встречи с бонапартом». Тильзит и после	
Глава первая. 1807–1809 годы.	9
1	9
2	11
3	15
4	16
5	17
Глава вторая. 1808–1809 годы	19
1	19
2	20
3	21
4	22
5	23
6	24
Глава третья. Из бумаг, хранящихся в рукописном	26
собрании генерала от кавалерии графа Ивана Осиповича	
Витта	
Глава четвёртая. 1811 год, начиная с февраля месяца	28
1	28
2	29
Глава пятая. 1811 год, с марта по сентябрь	31
Глава шестая. 1811 год. Октябрь	32
Глава седьмая. Ноябрь-декабрь 1811 года	33
Глава восьмая. С марта 1811 по май 1812 года	35
Глава девятая. 1812 год. Месяц май	36
Глава десятая. 1812 год. Первые числа июня	37
Глава одиннадцатая. 1812 года, июня 13 дня. Побег, а	38
точнее возвращение на круги своя	
1	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ефим Курганов
Забывшие генералы 1812 года. Книга вторая.
Генерал-шпион, или Жизнь графа Витта
(Невероятный, но правдивый роман)

© ЭИ «@элита» 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Историческая справка

Витт, граф Иван Осипович, генерал от кавалерии, состоявший при Особе Его Величества, родился в 1781 году. По происхождению полуполяк, полугрек, он был сыном коменданта польской крепости Каменец-Подольский графа Витта, перешедшего затем в русскую службу: его мать – красавица-гречанка, известная авантюристка своего времени, вышедшая потом замуж за графа Потоцкого.

Одиннадцати лет Витт был записан в конную гвардию, из которой был переведён в кавалергардский полк. В 1801 году получил чин полковника и Мальтийский крест. Перейдя в 1802 году в лейб-кирасирский Её Величества полк, он принял участие в кампании 1805 года и был контужен под Аустерлицем. В 1807 году, вследствие служебных недоразумений, вышел в отставку. В 1809 году поступил волонтером в армию Наполеона, участвовал с нею во многих сражениях, а в 1811-м году был тайным агентом Наполеона в герцогстве Варшавском.

В июне 1812 года Витт вернулся на русскую службу, и ему было поручено сформировать в Киевской и Подольской губерниях четыре украинских казачьих полка, с которыми он и принял участие в Отечественной войне.

1-го февраля 1813 года Витт отличился при взятии Калиша, за что был награждён орденом Святого Георгия третьей степени, затем участвовал в сражениях при Вейсенфельде, Люцене, Бауцене, Кацбахе и Лейпциге. 19 августа 1814 года Витт был назначен начальником украинской казачьей дивизии, переименованной 26 октября 1816 года в уланскую.

Когда 8 октября 1817 года украинские уланские полки были развёрнуты в две дивизии – Украинскую и Бугскую, Витту было поручено формирование последней, и поселение её на юге России. За успешное исполнение этого поручения Витт 6-го мая 1818 был произведён в генерал-лейтенанты...

В 1823 году Витт был назначен командиром третьего резервного кавалерийского корпуса...

21 апреля 1829 года Витт был произведён в генералы от кавалерии, а 22 сентября того же года, за успешное формирование резервов, своевременное усиление действующей армии, и отличное состояние вверенных ему войск, получил особую Высочайшую признательность, и был причислен к генералам, состоящим при Особе Его Императорского Величества.

(из Военной энциклопедии)

Добавление:

В этой точнейшей справке не сказано главное: граф Иван Витт представлял собой личную тайную полицию императора Александра Первого, и эту свою функцию он, в общем-то, сохранил и при Николае Первом.

В нижеследующем повествовании отсутствуют вымышленные факты, но зато, наряду с реальными, присутствуют и вымышленные документы, впрочем, вполне достоверные.

Автор

**Часть первая. Вблизи двух императоров,
или предыстория 1812 года**

**ЧИСТОСЕРДЕЧНЫЕ ПРИЗНАНИЯ КАСАТЕЛЬНО МОЕЙ КАРЬЕРЫ
ПРЕДНАЗНАЧАЕТСЯ ДЛЯ ЛЮБОПЫТСТВУЮЩЕГО ПОТОМСТВА**

Из записок генерала от кавалерии графа Ивана Осиповича Витта, кавалера ордена Святого Иоанна Иерусалимского и других российских и иностранных орденов

Откровенное предупреждение

Стоял я как-то со своими лейб-кирасирами на карауле перед входом в Каменноостровский дворец, столь излюбленный государем. Смотрю – возвращается Его величество из прогулки по парку. Я отдал честь и застыл, словно статуя. Александр Павлович махнул рукою, давая знак мне расслабиться. Затем подошёл, отвёл меня в сторону, и стал болтать со мною, чуть ли не домашним образом.

Государь почти неизменно был прост, учтив, абсолютно не высокомерен. К тому же он знал моё семейство, волочился, и не без успеха, за несравненною моею матушкою. Кроме того, я оказал Александру Павловичу несколько услуг весьма интимного свойства, и в результате прыгнул из ротмистров в полковники кавалергардского полка, став в 25 лет самым молодым российским полковником. В общем, можно сказать, мы были совсем не чужие друг другу люди. Отчего государь, завидя меня, и решил со мною поболтать.

Его величество расспросил, как живётся мне в лейб-кирасирах (в 1802 году я попросился сам из кавалергардов в лейб-кирасиры), говорил с восхищением о матушке моей, интересовался, не рассказывала ли она мне о своих отношениях с князем Потёмкиным-Таврическим. А в конце перешли мы на девчонок, до которых Александр Павлович был сверхвеличайший охотник. А ещё с намёком сказал, нет ли у меня на примете какой-нибудь пикантной свежатишки.

О ту пору случился у меня бурный амурчик с одной прелестною галантерейщицею, служившею в новомодном магазине французского белья на углу Невского и Большой Морской. Звали её Анн Лафон. Была она чистокровная парижаночка. Маленькая, чернявенькая, носатенькая, но в глазках такие бесенята прыгают, что за это всё отдашь. Игрива, расчётлива, охоча невероятно до изысканнейших удовольствий и золотой монеты. В общем – прелесть.

Молвил я государю, что готов я из верноподданнических чувств презентовать ему Анн Лафон. Александр Павлович рассмеялся, и сказал, что принимает драгоценный подарок, но ежели Анн не оправдает его надежд, то подаю я в отставку, а ежели оправдает, то он будет способствовать дальнейшему продвижению карьеры моей.

Слава богу, прелестной галантерейщицею государь остался чрезвычайно доволен. Признаюсь, с этого, собственно, и началось моё восхождение к служебным высотам.

Граф Иван де Витт
В собственном моём имении
«Верхняя Ореанда»
Мая 18 дня 1837 года

Извлечения из записок генерала Ивана Витта. Материалы тома «Встречи с бонапартом». Тильзит и после

Глава первая. 1807–1809 годы.

1

Александр Павлович, как правило, совершал ежедневные прогулки к Тильзитской крепости, стоявшей над городом, на холме. Его неизменно сопровождали при этом адъютант фон Ливен, и я, бывший тогда полковником лейб-кирасирского Её Императорского величества полка и состоявший при главном штабе гвардейского корпуса.

Поездки эти происходили, когда уже начинали стучаться сумерки, правда, той порою сгущение сумерек было некою гиперболою. Ну, может, было немного темнее, чем в полдень. Только тишина стояла совершенно исключительная: всё вокруг спало.

Замок, выстроенный ещё в тринадцатом что ли веке тевтонскими рыцарями, не имел особой боевой славы. Но, как видно, он чем-то манил государя. Но была тут и меркантильная, а скорее, амурная причина.

Как я узнал, Тильзитский замок уже со второй половины осмнадцатого столетия принадлежал седьмому драгунскому полку прусской королевской службы, и принадлежал на правах казарм. Но в 1803 году, шеф полка генерал-майор фон Пастау продал Тильзитский замок городу за 250 тысяч гульденов. Город же распорядился сим приобретением вполне с пользою – превратил бывшую тевтонскую крепость в тюрьму. Однако всё правое крыло замка было при этом сохранено за тильзитским бургомистром государственным советником Георгом Нейховеном и семейством его (он был вдовец), состоявшим из одной семнадцатилетней голубоглазой пухляшки Луизы. Во всяком случае, в июньские дни приснопамятного 1807 года, бургомистр обитал в правом крыле замка, а именно в суровых апартаментах магистра тевтонского ордена.

К бургомистровой дочке как раз и ездил государь – на партию в шахматы. Государственный советник при виде Александра Павловича источал полнейший восторг и буквально таял от счастья.

И я, и фон Ливен в замок никогда не заходили, дожидаясь Его Величества внизу у холма. Расстелив на траве походный коврик, мы усаживались по-турецки и резались в картишки.

Александр Павлович неизменно возвращался усталым, довольным и весёлым. Перемолвившись с адъютантом своим парой слов, он отсылал его вперёд, а сам начинал вести со мною неторопливую беседу касательно дел шпионских.

Всё дело в том, что матушка моя, графиня София Потоцкая-Витт, в своё время, по поручению светлейшего князя Потёмкина, ездила по Европе, покоряла королей и знатнейших вельмож во славу Российской империи. И Александр Павлович полагал, что я, как её отпрыск, унаследовал хоть что-то из дарований матери моей, и могу сослужить службу ему на шпионском поприще. И мне кажется, что кой-какие надежды государя тут вполне оправдались.

Итак, на обратном пути из замка, беседы у нас велись совершенно серьезные. Между тем, ситуация складывалась очень не простая, и даже опасная для международного авторитета Александра Павловича.

Я отличнейшим образом помню, например, о чём мы говорили июня 11 дня 1807 года. Ночь была светлая-пресветлая – как сейчас представляю.

Состоявшуюся тогда беседу воспроизвожу, ясное дело, не дословно, а, так сказать, по основным её тематическим узлам. Собственно, это то, о чём с предельною откровенностью

поведал мне Александр Павлович, хотя он если славился, то отнюдь не откровенностью. Но, как видно, допекло порядком.

Прусский король, этот самонадеянный болван, не дожидаясь подхода российских корпусов, объявил войну Буонапартию, и в течение одной недели прусская армия была разбита. Наши войска ускоренным маршем были брошены вперёд, но, как панически вопил командовавший ими генерал Беннингсен, сил было явно недостаточно. Ещё прежде был объявлен дополнительный рекрутский набор, и были даже уже собраны резервные корпуса, но военное министерство наше по преступной медлительности, кажется, просто не знает себе равных.

Спланировать маршрут передвижения корпусов к границе и затем по территории прусского королевства – это для чиновников военного министерства была задачка, требовавшая неимоверного напряжения всех их очень небогатых умственных сил, задачка, которая никак не могла быть быстро и своевременно решена. Генерал Беннингсен с ума сходил от паники, государь нервничал, но военное министерство отнюдь не спешило.

Но вот, наконец, планы и предписания из военного министерства были получены, и резервные корпуса наши двинулись, и государь собирался ехать к границе и их инспектировать. Обо всём этом мы и говорили по пути из замка, той неимоверно светлой ночью.

Я было попросился ехать с Его Величеством, однако Александр Павлович резонно заметил, что будет себя спокойнее чувствовать, если я останусь в Тильзите при цесаревиче Константине Павловиче, который по причине болезненно буйного своего нрава вполне мог выкинуть что-нибудь невозможное.

И ещё государь, близко приблизившись ко мне, шепнул, что чует сердцем: Буонапартий рано или поздно, но двинется на нашу Русь. «Знаешь, Витт, хотел бы знать всё о намерениях этого изверга и потому намерен как-нибудь подослать тебя к нему. Ты уж имей это в виду».

А на рассвете июня 12 дня Александр Павлович в сопровождении обширной свиты своей отправился к границе, инспектировать резервные корпуса, шедшие на спасение российской армии и прусского королевства.

Меня грызли какие-то недобрые предчувствия, и, как выяснилось, неспроста.

Да, наши резервные корпуса опоздали, и как ещё опоздали! За такое опоздание весь штат военного министерства надо было бы заковать в кандалы и прямым ходом отправить в Сибирь. Но государь Александр Павлович был хоть и злопамятен, да милостив и ласков.

14 июня при Фридланде корсиканский злодей наголову разбил российскую армию. Переполюх, который это известие произвело в Тильзите, трудно даже вообразить. Казалось, происходит светопреставление, не иначе. Но когда в город прибыл великий князь Константин Павлович, то поистине началась просто какая-то вакханалия паники.

Поразительно, цесаревич ведь участвовал в швейцарском походе Суворова, в ходе коего погибла почти вся наша армия. И вообще он ведь сызмальства приучен к военному делу. И так строг в соблюдении армейского артикула! Но при всём том более сумасбродного труса я в своей жизни просто не видывал.

Великий князь прибыл из действующей армии в Тильзит уже июня 15 дня, и в тот же день устроил у себя совещание. Все более или менее высказывались за начало мирных переговоров (один только министр иностранных дел Будберг стоял за продолжение войны и предлагал подключить к боевым действиям поляков и ополчение), но Константин Павлович и тут отличился. Он даже не кричал, а буквально стонал: «Нет у нас резервной армии, нет оружия, нет денег, нет провианта!»

Предложение же министра подключить ополчение вызвало у великого князя бешеный, безумный страх: «Но как, как можно вручить орудие нашему дикому народу? А без него он от Буонапартия не защитится никак».

Да, Константин Павлович застрашал всех. И так было ясно, что французы подошли к самым границам нашей великой империи, но после панических излияний великого князя озноб продрал едва ли не всех, кроме железного пруссака – министра нашего Будберга.

Но вернулся государь, и живо приструнил своего братца. Александр Павлович собрал новое совещание и без обиняков заявил: «Я согласен пойти в настоящих обстоятельствах на мировую с Бонапарте, но при соблюдении неукоснительном одного условия: от границ империи нашей злодей не отколет ни единого кусочка, даже самого махонького».

Совещание это закончилось в шестом часу вечера. Стоял 17 день июня. А в одиннадцатом часу ночи Его величество в сопровождении фон Ливена и меня, уже направлялся, как ни в чём не бывало, в сторону Тильзитского замка.

На возвратном пути Александр Павлович был устал и весел (как видно, шахматная партия опять оказалась удачной). Поначалу Его величество молчал, и просто ласково улыбался, а потом заговорил, и как-то особенно проникновенно, должен сказать:

«Видишь ли, Витт, мир со злодеем, кажется, сейчас неизбежен, и был бы для нас наилучшим выходом теперь. Но я никогда (запомни: никогда!) не смирюсь с этим извергом рода человеческого. Никогда не прощу сделанных им мне унижений. И придёт час – я его ещё одолею. И ты мне тут поможешь. Имей в виду: я весьма рассчитываю на твоё содействие. Тебе так придётся доказать, что ты сын знаменитой Софии Потоцкой, не раз выручавшей наше отечество».

Я молча склонил в знак согласия голову, и весь оставшийся путь мы проделали молча.

Эта была, между прочим, последняя до заключения мира с французами поездка наша в Тильзитскую крепость.

Всё дело в том, что уже следующей ночью, а именно июня 18 дня 1807 года, наши войска оставили Тильзит и переправились на правый, разорённый берег Немана. И утром июня 19 дня в Тильзит въехал ненасытный завоеватель. Шахматные партии нашего государя с дочкою бургомистра были прерваны, но, как оказалось, не так уж на долго, к счастью Александра Павловича, Луизы и отца её бургомистра. Вскорости, забегая вперёд, замечу, турниры были продолжены.

Уже в тот же день, а именно 19 числа, в Тильзит был отправлен, в качестве переговорщика, командир резервного корпуса генерал Димитрий Лобанов-Ростовский. Как это ни удивительно, но на сей раз Боунапартый вдруг отступил от своих наглых обыкновений, и не потребовал от нас никаких территориальных уступок, и уже июня 21 перемирие было заключено.

Однако странности продолжались. Корсиканский злодей решил вдруг не ограничиваться военным перемирием, и запросил полноценного мира, хотя и был ведь полноценным победителем. Александр Павлович, обладавший несравненной проницательностью, разгадал уловку Боунапартя. Государь, беседа со мною, заметил:

«Он просит мира, но скоро, я знаю, запросит ещё большего: военного союза с нами. И знаешь, почему, Витт? Он хочет расколоть направленную против него коалицию, хочет расколоть наш союз с британцами, худо-бедно, но снабжающими нас деньгами на военные нужды. Ну что ж, сделаем вид, что мы поддаёмся злодею. Он расслабится – тут мы его и поймаем».

Поразительно, но всё именно так и произошло, точь-в-точь.

2

После заключения перемирия, Боунапартый предложил личную встречу двух императоров двух величайших империй.

Не стану описывать (это давно уже сделано другими) знаменитые два павильона, устроенные по распоряжению злодея на плотках посреди Немана, и как на них появились 25–26 числа, Александр Павлович и Боунапартый.

Отмечу только два весьма небезынтересных, как мне кажется, обстоятельства.

Государь поведал мне (это было уже потом, когда мы обосновались опять в Тильзите), что британский посланник перед занятием Тильзита французами переместившийся в городишко Мемель, накануне встречи императоров на плотках стал настоятельно требовать аудиенции, но Александр Павлович решительно отказал ему. И июня 26 дня во время последней, заключительной встречи на плотках, Боунапартый приблизился вдруг к Его Величеству, и шепнул, что чрезвычайно признателен ему. «За что?» – спросил изумлённый государь. – «За то, что Вы отказались принять лорда Гоуэра», – последовал ответ.

И второе. Государь был в Преображенском мундире, и караул его на плоту состоял из преображенцев, во главе коих должен был состоять командир первого баталиона новоиспеченный полковник Михайла Воронцов, сын бывшего посланника нашего в Англии. Но Воронцов сей, сказавшись больным, не явился.

Я особо занялся выяснением этого случая, и узнал, что Воронцов болен отнюдь не был, и преспокойненько резался в это время в картишки с ротмистром Грибовским, из второго баталиона преображенцев. Обо всём этом я почёл долгом своим доложить государю.

Александр Павлович горько усмехнулся и прошептал только: «Всё ясно».

И в самом деле, всё ясно. Отец и сын Воронцовы ведь яростные англomаны, и горой стоят за союз России с Англиею, и разрыва сего союза ни на миг не признают. Вот Михайла Воронцов и не хотел запятнать себя участием, пусть даже в роли караульщика, в русско-французских переговорах.

Вот два дополнения моих к общеизвестным описаниям исторического свидания на плотках двух императоров.

Свидания эти скорее были предварительные, разведочные. Главное значение их в том, что Боунапартый пред расставанием клятвенно заверил Его Величество, что объявляет отныне Тильзит нейтральным городом и приглашает российского императора со свитой своею перебраться туда назад и продолжить переговоры. Александр Павлович самым благосклоннейшим образом принял сделанное ему предложение.

Государь наш, помимо великого князя Константина Павловича, посланника нашего в Австрии Александра Куракина («бриллиантового князя»), министра Будберга, генерал-прокурора Беклешова, генерала Беннингсена, многих других важнейших сановников, и ещё меня, грешного (правда, безо всякого официального назначения; я ему нужен был токмо для тайных собеседований), включил в свиту свою и полковника Михайлу Воронцова во главе с баталионом преображенцев. Собственно же караульные функции были возложены на пол-эскадрона кавалергардов и пол-эскадрона лейб-гусар.

И всё. Остальным из всех наших было строжайше запрещено появляться в Тильзите.

Призывая Воронцова во главе преображенцев, Александр Павлович в полной мере проявил свою неуклонную, сугубо последовательную мстительность. И пришлось таки Михайле Семёновичу обосноваться в Тильзите и стать свидетелем утверждения российско-французского противуанглийского союза. Покусал он себе тогда локоточки, на радость нашему императору, и как ещё покусал.

Государь обосновался в небольшом двухэтажном особнячке, пред входом в который стояли каменные львы. Отведённая мне комнатка прямо примыкала к кабинету, в коем обычно Александр Павлович работал. Там же он и принимал императора Франции.

После ужина Его Величество обычно отправлялся запросто к Бонапарте (тот жил неподалёку совсем), или же тот оставался у нас или приходил к нам (последнее зависело от того, у кого именно из них был ужин).

Ежели Бонапарте приходил к нам, то меня это особенно устраивало, ибо мне почти всё из бесед их удавалось расслышать. А длились беседы часов до двух ночи.

Александр Павлович, конечно, совершенно преднамеренно велел предоставить мне комнатушку, примыкавшую к его кабинету. Его Величеству крайне важно было, услышать мнение человека со стороны о беседах его с Бонапарте, важно было понять, кто, собственно, одолевает в сих полуночных поединках.

Наш государь был хитрее и гораздо пронырливее, чем Бонапарте, легко и даже с блеском ставил его в двусмысленные положения, но вот устоять пред невероятным напором бешеного корсиканца никак не мог, и в итоге сдавал достигнутые в трудной борьбе позиции, хотя всё же и не до конца.

Прежде всего Александру Павловичу пришлось признать все титулы, которые Бонапарте себе присвоил, и значит, все прежние анафемы корсиканскому самозванцу, захватывавшему европейские престолы, просто-напросто отменялись. И пришлось признать те переделы европейских королевств и княжеств, которые за последние годы произвёл Бонапарте.

При такой ситуации последний выглядел очень даже хорошо, а наш государь не очень.

«За что же, Ваше величество, столь высокая плата»? – вопрошал я, ведь фактически Александр Павлович расплачивался собственной репутацией.

«Витт, но ведь Бонапарте подошёл к нашим границам. Ежели не пойти на его предложения о мире, он сможет переправиться через Неман, и это грозит исчезновением нашей империи», – заметил мне государь.

Я покорно потупил голову, и не стал объяснять Александру Павловичу, что Бонапарте ещё не готов к войне с нами на нашей территории, что у него нет резервных корпусов, а у нас есть и т. д.

И тогда я считал, и до сих пор полагаю, что в 1807 году Бонапарте вряд ли бы решился переправиться через Неман, да и причины не было ещё. А вот в 1812 году она была – Бонапарте был тогда обозлён, что мы не выполняем совместные соглашения, не воюем против Англии, потихоньку торгуем с ней.

Но я не стал расстраивать государя, и не решился сказать ему, что приносимые жертвы напрасны, и что зря он позорит себя, признавая Бонапарте законным императором Франции.

Итак, первый наш проигрыш был чисто моральный. Наши прежние анафемы в адрес Бонапарте, как самозванцу и узурпатору, снимались, и он оказывался вдруг нашим другом и совершенно законным властителем. Это было и неловко и нечистоплотно. Но государь и сам всё это отлично понимал. Так что я не стал ему на сие особо указывать.

Но одним моральным проигрышем дело тут, увы, не ограничилось.

Из подслушанных мною бесед, и из рассказов самого Александра Павловича, я знал, что Бонапарте намеревался полностью стереть с европейских карт Пруссию как государственное образование. Более того, он намеревался полностью расчленив Пруссию, а земли королевства распределить между собою и российским императором.

Александр Павлович решительнейшим образом воспротивился этому плану, и заявил, что не примет его ни при каких условиях. И это понятно? Исчезновение Пруссии лишало нас крупного союзника.

Я думаю, что Бонапарте предполагал такую реакцию и даже хорошо подготовился к ней. Злодей знал, что наш благородный государь откажется. И тогда Бонапарте предложил второй вариант, предложил, КАК БЫ идя на уступки Александру Павловичу.

Суть этого варианта заключалась в следующем: ладно, оставляем вам Пруссию, но слегка подрезать ей крылышки всё ж таки придётся – из одного её края образуем Вестфальское королевство, а из польских земель, отошедших прежде к Пруссии, образуем Герцогство Варшавское.

И это нашему государю пришлось уже принять, тем более, что Бонапарте оторвал от Пруссии и бросил нам худородный кусочек – Белостокскую область.

Мне этот второй вариант, кстати, сразу же не пришёлся по душе, и даже очень. Ну, Белосток – это жалкая подачка, но дело даже не в этом.

Совершенно ясно, что отторгнутые от Пруссии области прямо попадают в самую прямую зависимость от Бонапарте. Так что с образованием Герцогства Варшавского наглый корсиканец получает окно в нашу империю, и вот уже опасно, и чревато плохими последствиями.

Об этом я уже не мог смолчать, и изложил государю прямо свою точку зрения. Александр Павлович признал мою правоту, но вместе с тем прибавил, что не может же всё время отказываться от предложений, которые делает Бонапарте, тем более, что все эти предложения сопровождаются дарами.

Что на это мог отвечать я Его Величеству? Только согласным кивком головы, что я и сделал.

Однако мне сразу было понятно, что за согласие государя с планом Бонапарте нам всем ещё придётся расплачиваться, и достаточно тяжело. Создание Герцогства Варшавского есть самый настоящий удар по российской империи. Было ясно, что там Бонапарте сосредоточит целые отряды своих лазутчиков.

Признаюсь, я совсем не предполагал при этом, что за это согласие государя, которое я всё же малодушно одобрил, придётся расплачиваться и лично мне самому.

Конечно, истинная верность своему государю и потворствование ему есть вещи совершенно разные, но тогда, в 1807 году, я ещё не решился это признать пред самим собою. Осознание верных форм своего верноподданничества пришло у меня гораздо позже. Но сейчас вернёмся в Тильзит, ставший обиталищем для двух императоров двух величайших империй.

Итак, независимо от того, где Александр Павлович встречался с Бонапарте – у себя или у него, – он заходил ко мне, и тут начиналось обсуждение беседований двух императоров. Оно, как правило, бывало не очень долгим (длилось минут тридцать, не более), но зато чрезвычайно содержательным.

Но собственно, сидя у меня в комнатке, мы в основном предавались более или менее общим рассуждениям, затем переходили в императорский кабинет, выпивали по паре стаканов липового чая. После чего государь призывал своего адъютанта фон Ливена, и мы отправлялись в Тильзитскую крепость, сопровождая его величество на возобновившиеся шахматные турниры с бургомистровой дочкой.

И уже на возвратном пути, государь усылал вперёд своего адъютанта, и тут-то мы по настоящему и предавались детальнейшему обсуждению беседований Александра Павловича с Буонапарте.

Так продолжалось две недели, вплоть до июля 7 дня 1807 года, когда был подписан мирный сепаратный договор с французской империей.

Да, каждую буквально ночь, после многочасовых и очень напряжённых встреч двух императоров, начинались тайные и даже бурные наши разговоры и вояжи в замок, на шахматные поединки, которые, судя по всему, также были и бурными и напряжёнными. Его величество был молод, горяч, и поистине неутомим.

Мир был подписан, но Александр Павлович сразу как-то не решался покидать Тильзит. Кажется, его удерживали шахматные поединки, столь привязавшие его к захолустному прусскому городку.

В плане же государственно-политическом, возник один сюжетец, который Его величество просил меня всенепременно распутать.

Как известно, помимо мирного договора, российская и французская империи заключили ещё и секретный военный союз. Так вот, пока ещё шли переговоры, наш министр иностранных дел Будберг получил от британского министра иностранных дел ноту, к коей была приложена черновая бумага – первоначальный вариант секретного военного союза.

Александр Павлович настоятельно просил меня узнать, как сия черновая бумага исчезла из его собственного кабинета. Я, используя собственную методику, провёл целое расследование, и установил, что бумага исчезла в тот самый день, когда кабинет был патронирован стражей из преображенцев во главе с полковником Михайлою Воронцовым.

Узнал и я то, что в тот же самый день, сей Воронцов спешно послал нарочного с депешей на имя своего отца, отставного английского посланника нашего графа Семёна Воронцова, отказавшегося вернуться в Россию и жительствовавшего в Вильтоне, поместье зятя своего, графа Пемброка.

Естественно, обо всех произведённых разысканиях я доложил государю. Его Величество наивнимательнейшим образом выслушал меня, и тут же заявил, что никогда не доверял Воронцовым – и Михаилу, и отцу его Семёну, и деду Роману, прославившемуся особым казнокрадством, от чего того и прозвали «Роман большой карман».

Однако внешне Александр Павлович по-прежнему оказывал Михайле Воронцову все признаки особого монаршего благоволения.

Вообще государь наш был по натуре своей величайший шахматный игрок: он продумывал шаги свои на множество ходов вперёд. Особо убедился я в этом пред отъездом своим из Тильзита.

Александр Павлович зашёл ко мне в комнатку, тихо, почти вкрадчиво притворил за собою дверь, и очень плотно притворил, затем присел на краешек кровати и завёл долгий, проникновенный разговор со мною.

Перво-наперво, извиняясь, и даже как бы смущаясь, Его Величество неожиданно покраснел, и заметил, тяжело вздохнув при этом:

«Да, мир заключён. Его называют постыдным и даже гибельным для России. Но, голубчик Витт, ты-то понимаешь меня и двигавшие мною побуждения?!»

Я кивнул головою, и Александр Павлович, чуть успокоившись, продолжал, хотя на огромных голубых глазах его блестели самые настоящие слёзы:

«Чую, что ты всё понимаешь, но всё же объяснюсь – скоро узнаешь, почему. Союз с Буонапарте нужен мне для того, дабы иметь возможность некоторое время хотя бы дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы. А для этого мы должны работать в глубочайшей тайне, и не кричать о наших вооружениях и приготовлениях публично, не высказываться открыто против того, к кому мы питаем недоверие. И, конечно, мне совершенно необходимо знать, что задумывает наш мнимый друг, и он же наш жесточайший враг. Мне нужен свой человек в окружении корсиканского злодея. И вот тут-то как раз и понадобится твоя помощь, дружочек. Хочу представить тебя как перебежчика, ты вроде бы изменишь мне и бросишься к Буонапарте. Но только он не должен заметить подвоха и должен поверить тебе, для чего имеет смысл нам воспользоваться некоторыми злыми слухами, до тебя непосредственно касающимися».

Но тут мне придётся прервать речь Его величества и сделать кой-какие необходимые разъяснения.

3

В октябре месяце 1801 года я был произведён в полковники. Было мне тогда двадцать лет от роду, и стал я, между прочим, самым молодым полковником в российской армии. Но строевая служба мало меня прельщала. Я отказался от командования батальоном в гвардии, и предпочёл при Главном штабе делать разного рода разведочные разыскания, касавшиеся армии Буонапарте. Эта работёнка была очень мне по душе. Но когда возникла первая антибуонапартовская коалиция, и мой полк был пущен в дело, а с ним отправился и я.

Принял участие в страшной для нас аустерлицкой бойне, был ранен в ногу и унесён с поля боя. Однако недоброжелатели мои, бешено завидовавшие моему столь раннему полковничеству, стали распространять мерзейшие рассказы, что я вовсе не был ранен, а просто струсил, и, прикрываясь придуманной контузией, самовольно покинул поле боя.

И особенно старались очернить меня всячески генерал-лейтенант Пётр Багратион (отчаянный смельчак, но завистник неимоверный, обладавший просто грязнейшим языком) и злостный интриган генерал-майор Пётр Витгенштейн, тоже вояка совсем не плохой, но он сызмальства прошёл выучку при родиче своём Николае Ивановиче Салтыкове, воспитателе государя. Исключительно светском человеке и интригане высочайшего класса.

Я даже вызывал их обоих (Багратиона и Витгенштейна) на дуэль, но они посмели от оной ловко уклониться.

4

Всё сие произошло ещё за два года до позорного Тильзита, а именно в 1805 году. Но именно эту, отшумевшую как будто, историю, помянул вдруг в своей речи Александр Павлович. А теперь опять предоставляю опять ему слово – мне ведь, увы, пришлось прервать речь государя, дабы внести необходимые пояснения:

«Любезнейший Витт, я знаю всё о гнусных слухах на твой счёт, и знаю отлично то, что все они абсолютно безосновательны. И я уже журил в приватной беседе и князя Багратиона, и графа Витгенштейна. Но я хочу, чтобы общество опять всколыхнуло эти слухи. Ты согласен? Это необходимо для спасения России. Видишь ли, я намерен подослать тебя к Буонапарте, но он должен поверить, что ты и в самом деле обижен и на меня, и на Россию...»

Кровь ударила мне в лицо, в висках заколотило, но, стараясь держаться спокойным, тихо, но внятно промолвил:

«Ваше величество, что же именно мне следует предпринять?»

Александр Павлович радостно улыбнулся и сказал:

«Ты согласен, голубчик? Вот и прекрасно. Это очень умно с твоей стороны... Что тебе следует предпринять?.. А вызови и князя Багратиона и графа Витгенштейна повторно на дуэль. Ну, при свидетелях, разумеется. В обществе тут же возникнет скандал. Я должен буду принять соответствующие меры, дабы сии дуэли не состоялись. Ты оскорбишься, выйдешь в отставку и сбежишь за границу, а там через некоторое время вступишь в армию Буонапарте. Я просто уверен, что он при таком раскладе он непременно приблизит тебя к себе, не сразу, но явно приблизит. Ну, как тебе мой планчик, любезнейший?...»

Да, придумано было лихо, и даже более того. Думаю, что государь – самый способный, ежели не гениальный, ученик графа Салтыкова, бывшего дядьки его. Куда уж до него прусского рубака Витгенштейну!

А вот понравился ли мне «планчик»? Да, не очень. Я ведь должен был пожертвовать своей репутацией, заполучить клеймо «изменника», и возбудить ненависть и презрение в своих однополчанах.

Но что же мне было делать? Как я мог оказать своему государю? Тем более, он говорил, что это нужно совершить во имя спасения России и победы над злодеем человечества.

Что говорить?! Я вынужден был согласиться, и ещё изобразить при этом полнейшую готовность, и даже радость, что привело Александра Павловича в совершеннейший восторг. Он радостно забил в ладоши, потом подскочил ко мне, обнял и прошептал на ушко, что никогда не забудет самоотверженности моей.

Затем мы вышли в императорский кабинет, государь вызвал фон Ливена, и мы все отправились в Тильзитскую крепость: Александр Павлович поспешал на очередной свой шахматный поединок.

Да, Его величество был шахматный игрок, и вообще игрок.

5

Когда мы вернулись в Петербург, то разговору только и было, что о тильзитском несмываем позоре, об унижении нашего императора, признавшем узурпатора и самозванца законным государем. Случилось небывалое: наше циничное равнодушное общество вдруг почувствовало себя глубоко оскорблённым. И Тильзитский мир получил совершенно неожиданный результат – он способствовал росту патриотических и даже верноподданнических настроений: русские люди почувствовали себя оскорбленными за своего государя.

Однако сам Александр Павлович, зная сие абсолютно доподлинно, ещё по тильзитским ночным нашим беседам, оскорблённым себя отнюдь не почитал. Даже наоборот, Его Величество необычайно гордился, что сумел добиться для себя и империи своей хоть некоторой передышки, которую надо было использовать на подготовку к новой войне.

В Петербурге я с государем встречался лишь изредка, как правило, на больших собраниях, которые устраивал у себя граф Николай Иванович Салтыков, бывший в том году председателем комитета земского ополчения (милиции).

Государь подходил ко мне, чтобы перекинуться, и, приветливо улыбаясь, вопрошал: «Любезнейший Витт, ты не забыл часом о нашем планчике?»

Я понял, что мне не отвертеться никак, и что старые грязные сплетни таки придётся опять пускать в оборот. Вскорости и князю Багратиону и графу Витгенштейну я вручил мой гарсел, составленный весьма грубо, и ещё для наглядности я ещё резко пихнул и того и другого, чего brave генералы, как мне показалось, никак не ожидали.

В обществе тут же поползли слухи, и не все лестные для меня. Опять поминали не раз проклятый Аустерлиц, и как я со своим батальоном покинул поле боя, хотя побожусь, что меня вынесли оттуда, тяжело раненного в ногу. Всё шло, как по маслу, государь должен был быть доволен, но я переживал мгновения, мало приятные для своего человеческого самолюбия и дворянского достоинства. Захотелось уехать даже вон из Петербурга, что я с превеликим наслаждением и сделал. Но прежде я вышел в отставку (произошло сие сентября четвёртого дня 1807 года).

Когда я находился в Подольской губернии, нагнало меня долгожданное государево распоряжение, непосредственно до меня относящееся.

Подольский губернатор, по негласному указанию полученному им из Петербурга, дал мне снять копию с сего распоряжения. С этой драгоценности и я бежал за границу – это истинно был мой пропуск к Буонапарте.

Я демонстрировал означенное государево распоряжение и маршалу Нею, и принцессе Полине Боргезе, и министру Фуше, и самому императору Франции. И все они в итоге поверили, что я нахожусь в жестокой обиде на государя Александра Павловича и brave его генералов.

Вот это бесценное распоряжение:

«Господину действительному статскому советнику, Подольскому гражданскому губернатору Чевкину. Разнёсся тут слух, что полковник Витт намеревается вызвать на поединок генерал-майора графа Витгенштейна, и что, может статься, и был уже между ними сей поединок. Причина вражды полковника Витта против генерал-майора графа Витгенштейна, по сказаниям, есть неудовольствие по службе. К сему слуху присоединяется здесь молва, что полковник Витт решил по сей самой причине вызвать также на поединок и генерал-лейтенанта князя Багратиона. В том уважении, что никакие, а тем ещё более таковые между подчинённых и начальников поединки, весь порядок службы и дисциплину её разрушающие, отнюдь не должны быть терпимы, по

сведениям о пребывании полковника Витта в Подольской или Волынской губернии, я повелеваю вам:

1) Если слухи сии в Подольской губернии неизвестны, то, не оглашая их, ограничиться ближайшим и точнейшим надзором за поведением полковника Витта, как в том случае, буде он в губернии сей ныне находится, так и в том, когда в оную возвратится.

2) Если слухи сии справедливы, и достоверно, что полковник Витт похваляется или ищет случая иметь поединок с генерал-майором графом Витгенштейном, то в таком случае немедленно оградить самым надёжным присмотром, посредством коего всё то, что он ни делает, было бы нам известно, и который бы, конечно, отнюдь не допустил полковника Витта иметь сей поединок.

3) Если сей поединок, сверх чаяния, был уже на самом деле, в таком случае полковника Витта, буде он находится в Подольской губернии, или коль скоро в оной покажется, взять под стражу и мне о сём донести.

4) Между тем, в сём последнем случае, представить мне, каким образом и где было сие происшествие, какие оно имело последствия и кто были с той и с другой стороны секунданты, равно как и том, как, где и кем полковник Витт без предписанного паспорта пропущен за границу, если дошедший сюда слух основателен, якобы он имел уже поединок и после него уехал за границу.

АЛЕКСАНДР

В Санкт-Петербурге. Генваря 26 дня 1808 года»

Вышеприведённая бумага прямо доказывала, что самолично российским императором было санкционировано в отношении меня полицейское преследование. А большего мне ведь и надо было, да и самому Александру Павловичу.

Да. Бумага отменная. Я бежал, токмо заполучив сие предписание, хотя из него как будто следует, что я уже бежал, ещё до того, как был объявлен розыск. Просто распоряжение было составлено в высшей степени толково.

Кстати, когда в петербургском обществе стало распространяться известие о моём бегстве, и когда мои бывшие однополчане обратились к государю, дабы он подписал указ об исключении моём из списков гвардии, то Александр Павлович ответил решительным отказом, ничем, естественно, не мотивировав такое своё решение.

До поры до времени реакция государя, конечно, показалась всем загадочной – всё разъяснилось гораздо позднее, а именно лишь страшным летом 181 года.

И ещё прелюбопытный фактик. Полагаю, он внесёт некоторую ясность в одно из свойств натуры Его Величества, а натура эта была очень даже не простой и тоже по-своему загадочной, очень даже загадочной.

После множества попыток я попал, наконец, в ближайшее окружение императора Франции. К этому времени, по личному указанию Александра Павловича, я опять был принят на российскую службу, но только не в гвардию, а высшую воинскую полицию, которая незадолго до того была создана.

И вот что интересно: приписали мне к высшей воинской полиции не первой западной армии Барклая де Толли, а к полиции Второй западной армии, коею командовал князь Пётр Багратион, заклятый недруг мой.

Зачем это было нужно нашему государю? Зачем-то, видимо, было нужно.

И ещё. В Тильзите, к одному из ужинов, Александр Павлович пригласил вдруг и меня. Там я впервые и увидел совсем близко Буонапарте. Впрочем, император Франции в мою сторону даже не смотрел; лишь один раз, как мне показалось, оглядел искоса своим насквозь пронизывающим взглядом.

Теперь я только в полной мере постигаю, что позвал меня тогда Его величество совсем неспроста. Он, как видно, уже задумал свой «планчик», и ему важно было, хотя бы разок, но свести нас.

Глава вторая. 1808–1809 годы

1

Вена, безо всякого сомнения, наипрелестнейший город. Но самое главное для меня было то, что это город, неизменно набитый шпионами и дипломатами. А уж лазутчиков Боунапарте тут хоть пруд пруди.

После же оглушительной победе при Ваграме, в Вене летом 1809 года объявился самолично Боунапарте. Правда, обосновался он не в самой Вене, а занял Шенбрунн, великолепную резиденцию австрийских императоров.

Стало известно, что Боунапарте вызвал в Вену свою возлюбленную Марию Валевскую, для которой был снят и меблирован очаровательный дом в пригороде Вены, совсем близко от Шенбрунна. Узнал я и то, что каждый вечер сию Валевскую тайно привозили в закрытой карете с единственным слугой без ливреи: она входила в замок чрез потайную дверь и затем препровождалась в императорские апартаменты.

Но вот дальше уже был тупик. Как попасть в ближний круг корсиканского злодея, я не имел ни малейшего представления. И сей тупик образовался задолго до победы до Ваграме и задолго до появления в Вене самого Боунапарте.

Собственно, когда император Франции обосновался в Шенбрунне, все главные препятствия для меня уже были преодолены. Сложности появились зимою 1808-го года, когда я только что обосновался в Вене.

Спасла меня и вывела из труднейшего положения любовь к кофейне «Хавелка», приютившейся у подножия Святого Штефана (Штефи, как любовно говорят венцы). Там я познакомился с поистине очаровательной парой – графом Михаем Валевским и графиней Юзефой Валевской (она призналась, правда, что предпочитает, чтобы её называли Жозефиною).

Как выяснилось в завязавшейся меж нами беседе, граф Михай является младшим братом престарелого супруга Марии Валевской. Как можно догадаться, данное обстоятельство страшно меня заинтересовало. Более того, граф рассказал, что Мария частенько навещает их, что ещё более подогрело мой интерес к новым моим знакомцам. Прощаясь, мы обменялись адресами.

В этот же день я навёл необходимые справки, и выяснил, что графиня Юзефа Валевская является урождённою княжною Любомирскою: причём отцом её приходится никто иной, как князь Каспер (Гаспар) Любомирский, генерал-поручик русской службы. Всё это очень даже обнадёживало.

Буквально на следующее утро мне принесли записку от графини Юзефы. Она назначала мне встречу в пять часов, в той же прелестной кофейне «Хавелка». Конечно же, я явился, будучи при этом уверен, что встречу опять же обоих супругов. Но на сей раз графиня была одна. Более того, она прямо заявила, что давно уже не живёт с графом Михаем, и, можно сказать, свободна.

Всё услышанное меня сильно обескуражило, но при этом ничуть не огорчило. Однако графиня ещё не закончила своё признание. Грациозно улыбнувшись, она молвила, что вчера за утренним кофе страстно полюбила меня и предпочитает жить со мною, о чём поставила уже в известность графа Михая.

Скажу честно, что столь решительных особ дотоле я ещё не встречал, ежели не считать, Конечно, моей матушки. В общем, я переехал в особняк графов Валевских. Я и графиня Юзефа заняли два верхних этажа, граф же Михай взял себе нижний.

Втроём мы встречались за ужином и завтраком: обедали же с графом порознь. И иногда графиня отправлялась ночевать на нижний этаж, говоря, что ей надобно поговорить с графом Михаем по поводу неотложных финансовых расчётов.

Я на всё был согласен, памятуя о том, что Юзефа моя в дружбе с Мариєю Валевской, и была даже гораздо ближе ей, чем граф Михай. Вообще Юзефа (я стал называть её «Жоззи») довольно много порассказала мне о Марии, и её отношениях с императором Франции.

И наконец, настал истинно великий праздник: в Вену прибыла Мария Валевская, и остановилась она не где-нибудь, а в особняке графа Михая и графини Юзефы. За одно только это известие государь Александр Павлович удостоил меня весьма солидной денежной награды. Когда же Его величество узнал, что я истинно очаровал Марию, то по его распоряжению мне была выделена двойная награда.

Для Марии Валевской Буонапарте приобрёл в Париже очаровательный домик на шоссе д'Антен, и она разрешила мне навещать её там, когда я появлюсь в пределах буонапартовой империи. Это уже была самая настоящая победа, плодами которой я намеревался воспользоваться! И таки воспользовался со временем! Более того, в этом домике на шоссе д'Антен я встретился с самим корсиканским злодеем. Но покамест вернёмся в блистательную Вену.

Расскажу хотя бы вкратце о маленьких моих личных радостях.

2

В сентябре 1808 года Юзефа родила мне дочь Изабеллу, совершенно прелестного ребёнка, который оказался просто копией знаменитой матери моей графини Софии Потоцкой-Витт. Это было, конечно, чудесно!

Я в девочке души не чаял, и особенно мне было приятно то, что её обожал нижний сосед наш, и вместе владелец дворца – граф Михай. Он с первого же дня рождения стал делать Изабелле моей подарки, и какие ещё подарки! До сих пор я не могу забыть одно старинное бриллиантовое кольцо...

Всё это было настолько удивительно, что злые языки, коих в Вене было предостаточно, стали поговаривать, будто он-то и является истинным отцом Изабеллы, но это, конечно, гнусная ложь, и более ничего. Юзефа не раз клятвенно заверяла меня, что отец Изабеллы есть токмо я, и никто иной.

Впрочем, всё это – признаюсь – не суть важно. Я ведь, говоря со всею откровенностью, сошёлся, а потом и женился на графине Юзефе Валевской прежде ради государя своего, направившего меня в Вену с особою миссиею, то бишь с целью близкого знакомства с Марию Валевской, дабы можно было проникнуть затем к самому злодею Буонапарте.

И Юзефа, конечно же, знала это, ведь она была дама не только совершенно поразительной красоты, но ещё и исключительной проницательности и острейшего ума при этом. И она, кстати, сильно мне помогла, ибо, как выяснилось потом, имела на Марию просто громадное влияние.

А вот зачем влияние это нужно было самой Юзефе, я и до сих пор не постигаю. Между тем, я видел, что она последовательно и обдуманно воздействует всячески на возлюбленную корсиканского чудовища. Самого же Буонапарте Юзефа моя терпеть не могла, но при Марии на сей счёт неизменно помалкивала. Как относилась Юзефа к нашему государю, я так и не понял. Но я доподлинно уже тогда знал, что ей принадлежат имения, располагающиеся в пределах Российской империи.

Граф Михай тоже был не так прост и очевиден. Он, правда, не был столь решителен и стремителен, как моя (а точнее, наша) Юзефа, которая была истинною валькирией, но и он мягко-незаметно да подбирался к Марии. Занятно, что при этом и граф Михай, подобно Юзефе, вовсе не был, судя по всему, поклонником Боунапарте. Так мне казалось, во всяком случае.

Так мирно мы и жили – можно сказать, вчетвером; когда же в Вене появлялась Мария, то и впятером.

Когда Боунапарте снял ей домик неподалёку от Шенбрунна, и она навещалась к нам буквально каждый день, а если что-то её задерживало, то мы (я, графиня Юзефа и граф Михай) её навещали, но с властителем мира мы там ни разу не встретились, что понятно, ведь это именно Мария ездила к нему в Шенбрунн. Однако она явно рассказывала своему божееству о нас, что для меня, понятное дело, было исключительно важно. Все мы фигурировали как родня её супруга, графа Валевского.

3

В Вене Мария, увы, бывала только наездами, более или менее постоянное жительство обретя в Париже, куда переехала по предложению императора. И как-то уговорила нас всех навестить её в Париже, где ужасно скучала, ибо сидела всё в своём очаровательном домике, лишь ночью за ней приезжала чёрная наглухо задрапированная карета, и увозила её к её кумиру.

И мы решились поехать. Да, все втроём, плюс двухмесячная крошка Изабелла. В общем, в полном семейном составе – к великой радости Марии Валевской. Но особенно был счастлив я, ибо возможность оказаться в непосредственной близости от Боунапарте становилась всё более реальной. А в ушах у меня уже звучали и сверкали звон и блеск будущих наград.

Выехали мы во второй половине октября, и ещё успели оказаться в более или менее тёплом, и, значит, ласковом Париже.

Шоссе д'Антен, где корсиканец поселил свою пассию, оказалось совершенно потрясающим местом. Это, безусловно, светский квартал Парижа, но одновременно тихий и даже пустынный. Всё дело в том, что ещё в начале осмнадцатого столетия это был сплошной лесной массив, состоящий из парков, принадлежавших откупщикам, и обширных земель одного аббатства. Только году в 1720 квартал начали делить на участки для продажи, и тут потихоньку стали селиться банкиры и художники. Домик, в коем жила Мария, окружён громадным тенистым парком, переходящим в самый настоящий лес. Чистое чудо! Каждое утро, после завтрака, мы всей нашей куомпанией гуляли буквально по несколько часов кряду.

Вообще Мария весь день была с нами. Лишь в одиннадцатом часу за ней, как правило, присылали карету, и встречались мы с нею уже за завтраком. После одного из своих ночных возвращений, Мария вдруг заговорщически улыбнулась нам и радостно воскликнула: «А я рассказала вчера императору, что у меня гостят родственники моего мужа, и представляете – он пожелал со всеми вами познакомиться!»

Тут воцарилось гробовое молчание, пронизанное испугом, одна лишь Изабелла продолжала, как ни в чём не бывало, щебетать!

«Вы что, не желаете?» – осведомилась Мария.

Ну, конечно же мы желал, страстно желали, просто не ожидали подобного поворота событий.

«Ну, что ж, дорогие мои! В таком случае сегодня я никуда не еду. Император явится к нам, на ужин, но очень поздний, часам к двенадцати ночи, ранее его не отпустят дела».

И действительно, ровно в двенадцать, в оглушительной ночной тишине раздался шум подъезжающей кареты, и вскоре раздались необычайно резкие и быстрые шаги, и в залу в

самом деле вошёл великий человек собственной персоной. Был он в мундире старой гвардии, и на нём была лента Почётного легиона, чрез плечо по мундиру.

Поначалу мы мало что соображали, и едва могли говорить со страху, но император явно был настроен чрезвычайно благодушно, и вскоре мы освоились, и даже разболтались.

Меня император сразу же припомнил, в точности восстановив встречу в Тильзите, и тут же предложил мне вступить в польский легион, который он готовил к отправке в Испанию.

Затем властелин Европы добавил: «И мне, как видно, придётся туда ехать. Маршалы мои безрассудно храбры, но именно в моём присутствии. Стоит мне отворотиться, они становятся тупы и неповоротливы. Так что придётся ехать. У вас, граф, есть шанс составить мне компанию».

От этих слов я был на седьмом небе от счастья.

На следующий день камердинер императора Констан Вери, более известный как просто Констан, вручил мне собственноручную записку Буонапарте, в коей было сказано, что отныне прикомандирован к походной канцелярии императора, и что мне сохраняется мой полковничий чин, и что мне велено немедленно явиться в Тюильри, дабы там ожидать отбытия к театру военных действий.

Всё это немедленно было мною исполнено. Я нежнейше расцеловал Юзефу и Изабеллу, дружески пожал руку графу Михаю и отбыл вместе с Константином.

Ну, как я мог не обожать красавицу Юзефу?! Если бы не она, вряд ли мне удалось выполнить приказ моего государя и попасть в ближайшее окружение Буонапарте.

4

В пути император всё изливал гнев на грязных испанских мужиков и яростно рычал, что задаст им жару. А потом, успокоившись, говорил, что нужно очень спешить, ибо австрияки вот-вот нападут, и, значит, в Испании всё нужно устроить по-быстрому.

В самом деле, Буонапарте необычайно торопился, был предельно, а вернее беспредельно жесток и напорист – для меня это была настоящая наука. И ещё, конечно, потрясающе полезно было то, что фактически я, состоя батальонным командиром в польском легионе, возглавил при императоре временную походную канцелярию.

Уж только за это мне полагается крест Георгия! Вообще удача мне сопутствовала совершенно немыслимая. Такое никому и не приснится: российский гвардейский офицер, доверенное лицо государя, руководит походной канцелярией самого Буонапарте!

При Бургосе, ноября 10 дня 1808 года император нанёс испанцам страшное поражение. В ближайшие дни произошло ещё два сражения, и испанская армия, казалось, совсем уничтожена. Ноября 30 дня Буонапарте двинулся на Мадрид, хоть тот был защищён весьма сильным гарнизоном. Декабря 4 дня мы вошли в Мадрид. Город встретил нас гробовым молчанием.

Затем император выступил против англичан. Генерал Мур был разбит и убит во время преследования остатков английской армии. А вот в Сарагосе пришлось задержаться. Но января 27 дня 1809 года мы взяли её. Однако резня продолжалась ещё три недели в уже взятом городе.

Мы были вынуждены вырезать до двадцати тысяч гарнизона и тридцати двух тысяч городского населения. Бесчисленные трупы вповалку лежали в домах и перед домами. Я думал тогда неустанно: «Неужели подобная дикая жестокость простится ему?»

Конечно, если бы Бонапарте остался ещё в Испании, тамошнее сопротивление было бы полностью подавлено. Но остаться он никак не мог: начиналась война с Австрией.

Несколько месяцев я наблюдал вблизи сего великого и страшного человека, и понял безоговорочно: ежели не одолеть его (а это невероятно трудно), то России не быть.

Ко мне император Франции испытывал самое несомненное доверие, и оно всё более укреплялось. Как оказалось, это чудовище было в некоторых отношениях доверчивым: я

понял, что его нельзя подчинить себе, но зато можно обмануть. Сие, без сомнения, надлежало непременно взять на заметку.

До самого конца стремительного испанского похода сохранял я права директора временной походной канцелярии французского императора.

Причём, с наиболее примечательных документов, с коими пришлось мне столкнуться, когда довелось заведовать оной канцелярией, я тайком самолично снял копии, и как следует припрятал в надежде, что со временем удастся их переправить (так и случилось) государю Александру Павловичу или военному министру или – в крайнем случае – непосредственному шефу моему генерал-лейтенанту князю Петру Ивановичу Багратиону, храброму вояке, ничего не смыслившему в разведочной деятельности.

5

По завершении испанского похода, я вернулся в Париж (император Франции расстался со мною необыкновенно милостиво, и, пожалуй, даже тепло), а оттуда уже напрямик отправился в Вену, надеясь успеть ещё до начала новой кампании понежиться с прелестною Юзефой и приласкать крошку Изабеллу, что мне полностью и удалось, к обоюдному счастью моему и моих двух дам. Должен сказать, что встретили меня просто великолепно – с исключительной нежностью.

Очень доволен я остался и встречею с графом Михаем Валевским. Должен сказать, что дружба моя с графом, как оказалось, крепла всё более и более. Я окончательно убедился, что это была совершенно надёжная личность, и на время отлучек своих я вполне мог доверить ему и жену и дочь, двух несравненных красавиц.

А покамест граф Михай с истинным удовольствием сопровождал меня в прогулках по весенней благоухающей Вене, которые я каждодневно совершал совместно с Юзефой и Изабеллой.

Между прочим, во время одной из этих прогулок произошёл один презанятный случай. Юзефу мою он, правда, сильно напугал, но меня токмо позабавил, и не более того.

Вот что произошло. Ко мне подошёл граф Андрей Кириллович Разумовский, бывший российский посланник при дворе австрийского императора, а ныне счастливый мирный венец, и поведал, что несколько бывших однополчан моих по лейб-кирасирскому полку, прознав, что я был приближён к самому Буонапарте, намереваются вызвать меня на дуэль.

Какие же они всё-таки болваны, что могли поверить в измену графа Витта!

Впоследствии я узнал, что Андрей Кириллович Разумовский сказал мне сущую правду, и что государь Александр Павлович, прознав об глупых замыслах моих однополчан, наложил запрет на сии дуэльные прожекты патриотов-завистников.

А ещё я знаю, что в Санкт-Петербурге упорно поговаривали тогда, будто Буонапарте завербовал меня прямо в Тильзите, чуть ли не на глазах у нашего государя.

Так что обо мне в столице российской империи не забывали. Отнюдь! Да, после Тильзита мы были как бы союзники, и один наш корпус (правда, чисто мифически) даже воевал с австрияками, но то, что я оказался вдруг полковником французской армии, воспринималось очень плохо. И Буонапарте знал об этом, что для меня было совсем даже не плохо.

Вообще собирать и изучать слухи есть, без всякого сомнения, преинтереснейшее и любопытнейшее занятие. Вообще мне кажется, что ни в чём так не проявляется дурость и подлость человеческой нашей природы, как в слухах. В слухах частенько проскальзывают весьма существенные штришки касательно некоторых занятных или даже важных личностей.

Слухи насчёт собственной моей особы были крайне важны для меня, и вот по какой именно причине. Всё дело в том, что репутация изменника – это был истинно мой большой козырь, который должен обеспечить карьеру мою при дворе корсиканского злодея.

6

Как и ожидалось, я недолго, увы, наслаждался пребыванием в лоне чудесной семьи своей, но этого ведь и следовало ожидать. Буонапарте, кстати, не раз предупреждал меня, а точнее, говорил при мне вслух, что австрияки непременно вскорости нападут на его войска, стоящие в германских землях, и неизменно при этом добавлял, между прочим: «Но они жестоко поплатятся за это. Очень жестоко».

Австрийский поход таки начался в самое ближайшее время, и я проделал его до победного завершения, до сражения при Ваграме, имевшего прямым следствием своим едва ли не полное уничтожение армии эрцгерцога Карла.

Потом я составил целый трактат о сём удивительном и совершенно блистательном походе, но самым интересным для меня в нём была не завершительная блистательная победа, а одно поражение, которое потерпел несокрушимый до той поры Боунапарте.

Сей трактат, составленный мною на досуге в Вене, впоследствии мне удалось переправить государю. Его величество, в свою очередь, передал мою рукопись военному министру (разумею Михаила Богдановича Барклая де Толли), и он дал ей самую высокую оценку, назвав полезной и даже неоценимой по своему значению.

Итак, апреля 12 дня 1809 года австрийский эрцгерцог Карл вступил в Баварию и переправился чрез реку Инн без какого-либо предварительного объявления войны. В Тюильри. Как узнал я потом, сие известие пришло по телеграфному сообщению. И уже апреля 13 дня покинул дворец свой и умчался с такой невероятной скоростью, что добрался до штаб-квартиры своей уже на пятый день. Уже в первом же большом сражении, состоявшемся в Баварии, австрийцы были отброшены за Дунай. Там-то и присоединился я к своему польскому легиону.

Я участвовал в страшном, безумном, немыслимом деле при Эберсберге. Император наголову разбил войска эрцгерцога Карла, а потом приказал сжечь город со всем населением. И тогда это не укладывалось у меня в голове, и сейчас. Правда, я видел, что Буонапарте находится в состоянии всё возрастающего бешенства. Со мною он говорил токмо об Испании: «Вот уничтожу тут и всех, и слетаю в Испанию – надобно добить этих грязных пастухов. Мы не имеем никакого права быть мягкотелыми, иначе добьют нас».

До сих пор помню, как мы шли в Эберсберге по месиву из жареного человеческого мяса. В этой покрывавшей улицы каше даже вязли копыта лошадей. Было это мая 3 дня, а уже восьмого числа Буонапарте ночевал в Шенбрунне, дворце австрийских императоров, но кампания отнюдь не была ещё завершена.

Спасая свою разбитую армию, эрцгерцог перебросил её чрез венские мосты на левый берег Дуная, после чего сжёг мосты. Корсиканец ещё более разъярился, и решил во что бы то ни стало добить австрияков, и вот что злодей задумал.

Совсем близко от венского (правого) берега Дуная начинается отмель, ведущая к острову Лобау. Боунапарте приказал навести понтонный мост до этой отмели, дабы переправить туда главные силы своей армии, а затем уже двинуться всем с этого острова чрез узенький рукав реки, отделяющей Лобау от левого (северного) берега Дуная.

Первая переправа (к отмели) прошла благополучно, и тогда император велел наводить понтонный мост чрез узкий рукав с острова на левый берег. Всё шло, как задумано. Корсиканский злодей явно был доволен. Я видел, что в его удлинённых миндалевидных глазах горит радостный огонёк.

Первым переправился корпус Ланна, в составе коего находился и мой польский легион, зарабатывавший право на восстановление великой Польши, вторым переправился корпус Массена. Оба эти корпуса заняли две близлежащие деревушки – Асперн и Эсслинг. Я с польскими легионерами стоял в Асперне. Но тут началось непредвиденное, во всяком случае, со стороны

императора, который, казалось, всё мог предвидеть; причём такое непредвиденное, которое напоминало самую настоящую катастрофу.

И оба корпуса, и другие двигавшиеся за ними части французской армии, подверглись вдруг нападению эрцгерцога Карла. Разгорелась необычайно яростная битва. Австрияки в итоге стали поддаваться назад, и когда маршал Ланн с кавалерией бросился рубить отступавших австрийцев, мост, соединявший правый (венский) берег с островом, вдруг надломился, и в результате французская армия лишилась регулярно до той поры подвозимых снарядов. В общем, рухнул не только мост. Но и нечто гораздо важное и большее.

Боунапарте повелел маршалу Ланну немедленно отходить. Но несчастья у французов не закончились, а только начинались, собственно.

Отступление совершалось с боем, с громадными потерями. Но это не всё, увы. Во время этого боя в маршала Ланна попало ядро. Оно раздробило и почти оторвало ему обе ноги. Когда сообщили об этом императору, тот не медля подскочил. Это исчадие ада, этот злодей, ни к кому, кажется, не знавший жалости, рыдал, как ребёнок, и был совершенно неутешен. Французская армия ушла обратно, на остров Лобау.

Австрийский двор ликовал и готовился к возвращению в столицу, из коей он в страхе бежал. Но поразительно: Боунапарте был, как всегда, исключительно бодр. И он вдохнул в своих солдат и офицеров уверенность в скорой победе. Скоро пришли подкрепления (на остров были переведено несколько новых корпусов), что позволило укрепить остров Лобау отличным образом.

В первых числах июля император отдал приказ о начале переправы с острова на левый берег. Переправа была совершена без сучка и задоринки, безукоризненно, если не гениально.

Июля 5 дня началось сражение. Оно было жесточайшим. Центральная колонна, неся огромные потери, прорвала центр австрийской армии. За ней двинулись и резервы. Корпус Даву маршал направил на высоты, где ютилась деревенька Ваграм, и с боем вошёл в село. Вся австрийская армия была разбита.

Целую неделю продолжалось преследование её остатков. Кавалерийские отряды, в их числе были и польские легионеры, добивали, кого успевали нагнать.

Боунапарте подъехал к нам, и, радостно ослабившись, крикнул: «Если и впредь вы будете так же безжалостны, как при Ваграме, то и в самом деле отвоюете великую Польшу».

Октября 12 дня Боунапарте производил перед дворцом в Шенбрунне смотр своей гвардии. Австрийская империя лежала у его ног покорною рабою.

А я нежился в венском особняке графов Велевских, играл с дочуркой, а когда Юзефа спускалась на нижний этаж, к графу Михаю (сие, кстати, бывало каждодневно и занимало достаточно продолжительное время), то тут же принимался за писание подробнейшего отчёта, который предназначался для государя Александра Павловича.

Частенько мы все (Юзефа, Изабелла и граф Михай) отправлялись за Шенбрунн, в окрестностях которого император снял домик для Марии Велевский. Она бывала неизменно занята по вечерам, и мы, как правило, отправлялись к ней утром – на завтрак, который всегда проходил у нас исключительно весело и с полнейшим душевным комфортом.

Мария несколько раз говорила мне, что император весьма ко мне расположен, и чрезвычайно ценит услуги, которые я ему успел оказать.

Услышав такие слова, Юзефа настолько загордилась мною, что на какое-то время даже перестала спускаться на нижний этаж, к графу Михаю. Но вскорости для меня это перестало играть существенное значение.

Всё дело в том, что император развёлся, сочетался браком с австрийскою принцессою и окончательно расстался с Марией Велевской. Увы, это способствовало тому, что и я остыл к Юзефе, хотя и не прекратил с нею отношений. Лишь к одной Изабелле чувства мои оставались неизменны, хотя после моего отъезда из Вены мы более никогда не виделись. Но она

единственная моя наследница, и после смерти моей вступит во владение всеми моими обширными имениями.

Что касается моей Юзефы, то, между прочим, много лет спустя я узнал (от государя Николая Павловича), что она, оказывается, состояла в приватной переписке с Александром Павловичем. И теперь я понимаю, что Юзефа по поручению Его величества следила за мною, видимо, чтобы выяснить, а не перешёл ли я действительно на сторону Буонапарте.

Всё-таки что за выдающийся шпионский деятель был наш покойный государь! И совсем не удивительно, что в итоге он одолел Буонапарте! Где уж бывшему корсиканскому разбойнику до российского императора!

Глава третья. Из бумаг, хранящихся в рукописном собрании генерала от кавалерии графа Ивана Осиповича Витта

Письмо необычайно глупое, вздорное, крайне недоброжелательное (собственно, это самый настоящий донос, недостойный того важного лица, коим он был сочинён), но при этом достаточно любопытное.

Во-первых, оно отражает ни на чём не основанное предубеждение против меня у князя Петра Багратиона, но самое главное то, что при всей недоброжелательности сего документа, из него всё же более или менее ясно видно, о чём именно я информировал российское военное командование в ходе пребывания моего в Варшаве в 1811–1812 годах.

Писарская копия, снятая с сего письма, была любезно предоставлена мне князем Михаилом Богдановичем Барклаем де Толли, за что я ему был и остаюсь крайне признателен.

граф Иван Витт,
генерал от кавалерии,
кавалер многих орденов.

Письмо кн. Багратиона Барклаю де Толли об отставном полковнике графе Витте

Октября 19 дня 1811 года.

Прежде сего сообщал я вам сведения, полученные мною от отставного полковника графа Витта, а сей раз упомяну и нём самом. Сколько я его знаю, он лжец и самый неосновательный человек; но жена его, как умная и хорошая женщина управляет его поступками так, чтобы не лишился он доверенности у нас, равно и в герцогстве Варшавском не потерял хорошего о себе мнения.

По моему замечанию кажется, что он ДВУЛИЧКА. Сие не дурно бы было, когда бы справедливо обо всём нас извещал, и показания его со стороны их были бы верны. Я сидел с ним глаз на глаз довольно долго и всячески выпрашивал, каким образом знает он все обстоятельства тамошнего края, и по какой связи так часто туда ездит. На сие отвечал мне, что имеет там много дел по домашним оборотам и при том тесную связь со многими особами, да и будто о каждом отъезде его известно всем.

Между прочим, обещается он доставить нам хорошую и весьма верную связь, посредством которой может получать обо всех происшествиях не токмо в Варшаве, но и в кабинете самого Наполеона происходящих.

Есть в Варшаве одна женщина по фамилии мадам Вобан – я сам её знаю лично, но большого знакомства не имею. Граф же Витт даёт мне слово, что, быв с нею весьма знаком и на дружеской ноге, непременно склонит её на нашу сторону.

Женщина сия хитрая. Умная и интриганка, находится безотлучно при князе Понятовском, который к ней так привязан и столь слепо во всём доверяет, что без её совета ничего не

предпринимает, как по делам военным, так и гражданским. Словом сказать – она истинный его друг и совершенный для него закон.

Особа сия предвидит, что герцогство Варшавское не что иное есть, как одно мечтание, следовательно, охотно пожелает убедить и князя Понятовского придерживаться стороны верной и надёжной.

Всё сие граф Витт обещает устроить чрез одного хорошего своего знакомого италианца, сущего врага французской нации, живущего теперь в Вене и которого он хочет для сего вызвать, как человека, имеющего большую связь и дружбу с мадам Вобан. Что всё непременно исполнено им будет, коль скоро примется в нашу службу.

Из сих объяснений замечаю я, что единственная цель исканий и одно желание графа Витта есть войти в нашу службу какими бы то средствами ни было.

Пояснение графа Витта:

Когда бежал я за границу, у меня было лишь тайное устное соглашение с государем. В Российской империи тогда ещё не существовало Высшей воинской полиции. Когда же она стала проектироваться, Александр Павлович в одной из записок своих настоятельно рекомендовал мне приписаться к оной, написав прошение на имя князя Багратиона, что я и сделал.

Поразительно всё-таки! Я бежал из-за дуэли с князем Багратионом. И к нему же меня вынудили обратиться, дабы он ходатайствовал о зачислении моём в штат Высшей воинской полиции.

Безо всякого сомнения, государь был величайший шутник! В самом деле, именно князь Багратион, злейший враг мой, просил государя чрез военного министра о включении меня в штат Высшей воинской полиции.

гр. И.В.

По мнению моему, из виду его упускать не должно. А потому всепокорнейше прошу вас, милостивый государь, написать ко мне, что будто уважая представление моё, свидетельствуемое о усердии и приверженности графа Витта, неоднократно нам оказанные, охотно желаете явить в том своё пособие.

Коль скоро обещанное им будет выполнено, и связь предполагаемая действительно устроится, то за большое удовольствие почтёте исходатайствовать ему у государя императора высочайшее соизволение о принятии его в службу.

Открывая сим мысли мои о графе Витте, полагаю я, что, обольщая его таковым обнадёживанием, употребит он все силы к выполнению, и ежели предпринимаемое успех возымеет, то большею послужит для нас выгодною.

P.S. От человека, достойного всякого вероятия, который получил равно от надёжных же людей, имею я сведение, что Наполеон единственно тем только занят и всё напрягает силы, чтобы склонить ласкою, либо понудить угрозами, прусского короля присоединиться к Рейнскому союзу.

Сведения сии, хотя, конечно, уже вам известно, но, получа за достоверное, вам сообщаю. В таковом положении дел весьма нужно, чтоб и наши не дремали.

Пояснение графа Витта:

Признаюсь, в доношениях своих ко князю Багратиону я в одном покривил душою.

Никакого итальянца, живущего в Вене и ненавидящего французов, я никогда не знал. Однако я сам заделался возлюбленным мадам Вобан и прежде всего потому, что она находилась на содержании у князя Юзефа Понятовского, который был тогда военным министром герцогства Варшавского. И командующим всеми войсками герцогства.

Сия связь моя, между прочим, немало принесла пользы Российской империи.

Правда, повлиять на генерала Понятовского никак не удалось, ибо прилепился душою и телом он к корсиканскому злодею, но зато чрез мадам Вобан я смог узнать множество наисекретнейших и наиважнейших сведений.

А на Понятовского я бросил в атаку мою Юзефу, дабы тот не имел ни малейшей возможности следить, как я приударяю за мадам Вобан.

гр. И. де В.

Глава четвёртая. 1811 год, начиная с февраля месяца

1

Боунапарте, и в самом деле, был, как видно, расположен ко мне, и милостиво, благожелательно оценивал то, как я исполнял разные его поручения.

Однако вторая женитьба и вынужденное удаление Марии Валевской, делали в глазах императора не очень удобным моё постоянное присутствие при его дворе – я ведь попал туда в качестве как бы родича Марии.

Ещё я попал в особый фавор к единоутробной сестре императора, белокожей красавице Полине Боргезе, став на некоторое время её интимным другом, что, кажется, вызвало лёгкое неудовольствие у Боунапарте.

Вообще-то сия Полина (Паулина), увековеченная в мраморе Кановой, использовалась Боунапартием как самая настоящая приманка. Звучит безобразно, но это так. Он кидал её на людей, в коих испытывал некоторые сомнения; так сказать, для проверки. Однако Паулина была чрезвычайно резвая и предприимчивая любовная охотница, и, вполне успевая поработать на брата, преследовала и свои личные интересы, в амурном смысле весьма обширные, ежели не безграничные.

Не исключаю, что император поручил ей испытать меня на верность, но он, как видно, не ожидал, что я задержусь при Полине. А я именно задержался. Всё началось с того, что Паулина устроила балет «Шахматы». в котором на роли всех фигур были взяты тогдашние её любовники. Скажем, Жюль де Канновиль, офицер связи при маршале Массена, изображал коня, а Септей, офицер генерального штаба маршала Бертье, был слоном.

Я попал на это забавнейшее представление. Меня привёл туда Александр Чернышёв, флигель-адъютант нашего императора, в качестве императорского почтаря курсировавший меж Петербургом и Парижем. Чернышёв постоянно бывал при дворе Паулины, но она (как и все, впрочем) знал, что он шпион, и не доверяла ему. В ответ на слова одного из дипломатов, что Чернышёв – «русская оса», она забавно ответила: «нет, он – русская муха».

Чернышёв хотел всем показать, что и он любовник Каролины, но он никогда им не был. И на представлении «Шахмат» присутствовал именно как зритель.

Вскорости после упомянутого балета Жюль Канновиль был замечен в измене и по просьбе Паулина сослан в армию (его отправили в Испанию; погиб же он в 1812 году в Москве). Септей стал строить глазки мадам Барраль, придворной даме Паулины, и посланные им сигналы были благосклонно приняты. Но пострадал он гораздо менее, чем коллега его Канновиль.

Септея выслали в Испанию, где в бою при Фуенте де Оноро он потерял ногу. Когда об этом рассказали Паулине, она лишь заметила: «Что ж, на одного танцора стало меньше».

В общем, и Канновиль и Септей выбыли из мужского гарема Паулины, и на вакантные места принцесса взяла других. Одним из счастливиц оказался и я, и мне удалось даже закрепиться (Чернышёв с той поры люто меня возненавидел и сделался заклятым моим врагом). И в следующем представлении «Шахмат» слона изображал уже я.

Надо отметить и то, что Боунапарте, используя роскошную сестричку свою как приманку, вместе с тем одновременно неоднократно пытался утихомирить разгульный нрав Полины, но безуспешно.

Её бурно изобретательные выходки отдавались скандальным эхом по всей Европе. То становилось известным, что она сидит на спинах своих служанок как на стульях, или что каждое утро чернокожий камердинер берёт её на руки совершенно обнажённой и относит и окунает в бочку с горячим молоком (так она принимала ванны процедуры).

А уж любовные похождения её были одно экстравагантнее другого. По слухам, разумеется. Реальный любовный пантеон Полины вряд ли когда-нибудь будет описан. А если это и было бы вдруг возможно, то не исключено, что всё оказалось бы гораздо скучнее и однообразней тех картинок, что нарисовала светская молва.

Всё бы ничего. Имею в виду то, что Боунапарте с грехом пополам терпел любовные выходки бурной своей сестрицы. Да тут ещё Полина открыто, и, главное, всерьёз, замурила со мною, а потом ещё встретила в штыки женитьбу братца своего на принцессе Марии Луизе. Тут-то чаша императорского терпения и переполнилась.

Конечно, княгиню Боргезе Боунапарте изгнать из Парижа не мог, но он мог наказать её, лишив фаворита, и мог услатить меня подалее, что и сделал, причём с несомненной пользой для себя.

И в 1810 году Боунапарте отправил меня в разведывательную командировку на Балканы.

Я всё с честью выполнил, отправил оттуда тайные депеши государю и князю Багратиону, а затем вернулся в Париж.

И Боунапарте и российский государь остались мною чрезвычайно довольны (князь Пётр Иванович Багратион на моё послание и сообщённые в нём данные не отреагировал почему-то).

Долго мне в Париже засидеться не дали, ибо герцогиня Боргезе всё ещё не вычёркивала меня из числа своих амантёров. Боунапарте назначил меня своим агентом в герцогстве Варшавском; причём агентом с совершенно особыми полномочиями. Это, конечно, была огромная честь для меня, но одновременно – что уж тут скрывать – и ссылка, удаление от Полины.

Со мною по своей воле отправились в Варшаву Юзефа моя и граф Михай Велевский. Прихватили мы и малютку Изабеллу.

У графа в окрестностях Варшавы был родовой замок, где мы все и поселились. Впрочем, Юзефа вместе с бывшим супругом своим частенько ездили в имение Велевских, дабы навестить Марию, и подолгу там гостили. Но я совсем не скучал, ибо дел навалилось сразу столько, что было просто не продохнуть.

2

Герцогство Варшавское в ту пору было буквально наводнено шпионами всяких мастей. Кажется, они тогда составляли чуть ли не половину всего населения.

Прежде всего надобно упомянуть, что в Варшаве было устроено бюро французского резидента. Формально оно подчинялось министерству иностранных дел империи, но на самом деле делами его ведал сам Боунапарте.

Бюро возглавлял опытный как будто дипломат Жан Серра, однако деятельность его на сём посту была признана мало эффективной, и в феврале 1811 года он был смещён. На смену

ему направили барона Пьера Луи Биньона, впоследствии по завещанию узника Святой Елены написавшего историю французской дипломатии с 1792 по 1815 годы. Ещё барон оставил записки о пребывании своём в герцогстве Варшавском, весьма лживые. Но возвращаемся в 1811 год.

Руководствуясь полученной от императора инструкцией, барон Биньон должен был довершить то дело, которое исподволь подготавливали агенты французского императора, рассыпанные между поляками.

В инструкции (у меня сохранилась её копия), в частности, было сказано, что «император поверяет вам поручение высшей политической важности. Поручение это требует опытности, расторопности и умения сохранять тайну».

Барону было предписано реорганизовать бюро французского резидента в Варшаве, но этим отнюдь не исчерпывались его обязанности. Ещё ему надлежало стать дирижёром, так сказать, польского общественного мнения, что было совсем не просто.

Да, в большинстве своём поляки страстно тянулись к императору и чрезвычайно на него рассчитывали, но они ведь хотели воскрешения великой Польши, то бишь восстановления королевства польского во всём его территориальном объёме. Буонапарте же не хотел отвоевать великую Польшу, а заполучить поляков как пушечное мясо, в коем у него была острейшая необходимость.

И барону Биньону вменялось раздавать сладкие и при этом убедительные посулы польским патриотам, но тут возникали просто громаднейшие сложности, и вот почему.

Ещё не успела Варшава отпраздновать венский мир 1809-го года, как император Франции приказал увеличить польскую армию до 60.000 человек. Армия же эта нуждалась в значительном числе верховых и обозных лошадей.

И было повелено переписать всех лошадей в целом герцогстве, и потом несколько тысяч их было отобрано у частных лиц, частью в счёт недоимок, частью же за обещанием уплаты за них, никогда, впрочем, не осуществлённой.

И возникла ещё одна великая сложность. Доставка новонабранных рекрут в сборные места и привод лошадей в войсковые обозы потребовали множество подвод, которые стали взимать с сельчан, и за которые вместо прямой уплаты предписывалось уменьшить подати.

И ещё. Доставка фуража давала не очень хорошие результаты, и тогда было решено брать у арендаторов государственных земель их жизненные припасы, в счёт арендной платы.

Тут остановлюсь и замечу, что народонаселение герцогства Варшавского буквально стояло от буонапартовых поборов, а ведь территория герцогства при этом отнюдь не увеличивалась.

Барону Биньону же следовало каким-то образом настраивать общественное мнение на мажорный лад, и убеждать, что поляки сами должны начинать борьбу за великую Польшу, а потом император, в свою очередь, им поможет.

Барон Биньон был тонкий и опытный дипломат, но он, к счастью для меня, не был закоренелый и наглый обманщик. В общем, пришлось ему совсем не сладко.

Был ещё один, очень неблагоприятный для него и чрезвычайно удачный для меня фактор.

Изустно барону Буонапарте дал распоряжение, дабы в особо сложных случаях он сносился со мною, как личным представителем императора в герцогстве Варшавском. И барон таки советовался со мною, и даже не раз. Это, в первую очередь, и способствовало тому, что ответственной миссией, возложенной на Биньона, с треском провалилась, и в мае 1812-го года он по указанию императора был отозван.

Покидая Варшаву, барон оставил у меня на хранение всю канцелярию своего бюро, чему я не мог не обрадоваться, конечно. Можно даже сказать, что я был счастлив. О таком можно было только мечтать!

Просмотрев быстренько целые кипы полученных бумаг, совсем уж малозначащие из них я сжёг, а остальное более или менее рассортировал, как следует разложил по портфелям. Пометив их номерами, и с сим драгоценнейшим грузом переправился чрез Неман и явился в Вильну, к военному министру Барклаю де Толли – но об этом расскажу в своё время, присовокупив довольно-таки любопытные подробности, которые, может, кого и заинтересуют.

Глава пятая. 1811 год, с марта по сентябрь

Помимо бюро французского резидента в Варшаве, которое мне вполне удалось охватить и опутать, император направил в герцогство жандармского полковника Луи Сонье. Прежде сия довольно страшноватая и не склонная ни к каким обобщениям личность находилась при маршале Даву, который, как командующий Эльбского корпуса, имел штаб-квартиру в Гамбурге. В общем, Сонье прошел выучку у этого совершенно бестрепетного и беспримерно последовательного военачальника.

Так что совсем не случайно император направил в Варшаву именно Сонье, предназначив ему место коменданта столицы герцогства. Кроме прямых своих комендантских обязанностей, тот должен был ещё выискивать российских лазутчиков. Слава Господу, успех в этом отношении не слишком сопутствовал Сонье.

Всё дело в том, что российские лазутчики, регулярнейшим образом залетавшие в герцогство, – это были жидовские торговцы и их агенты. То была совершенно особая стихия, с коей чужому человеку враз не справиться. А тут времени-то особо не было, чтобы освоиться в замкнутом, густом жидовском мирке. Так что даже выученику «железного маршала», как называли все Даву, было не одолеть жидовских торговцев, сновавших неустанно по герцогству и проворачивавших весьма ловко не только денежные операции, но и вызнававших кое-что важненькое для подручных Барклая (разумею прежде всего директора Высшей воинской полиции де Санглена).

Да, пару раз Сонье арестовал Гирша Альперна, Захарию Фреденталья и некоторых других, но потом пришлось отпустить, ибо доказать вину их не было никакой возможности. Так что неустрашимый полковник ничего не смог поделать с жидовскою напастью, защититься от которой французы никак не могли даже и тогда, когда уже понимали, откуда идёт угроза для их безопасности.

Несколько раз Сонье обращался за помощью ко мне, но я и в самом деле ничего не мог поделать; только радовался катастрофическим его неудачам. Наконец, Даву не выдержал, и прислал в Варшаву полковника Феликса Кобылинского, возглавлявшего при его корпусе разведывательную службу. Но и сей Кобылинский, как ни бился, уехал ни с чем. В общем, щёлкнули мы Боунапартия по корсиканскому его носу.

Особо хочу остановиться на истории с упомянутым Гиршем Альперном, ибо я имел к ней некоторое касательство.

Сей белостокский житель в мае месяце 1811 года ездил в герцогство Варшавское. По пути, в Цехановце, он по подозрению в шпионстве был арестован поляками. Находился две недели под стражей, но допросы его ничего не дали, и он был отпущен. На основании добытых Гиршем сведений, я составил подробный отчёт и препроводил его к военному министру, то бишь, к Барклаю.

В местечке Радзивиллов, Луцкого уезда тамошний почтмейстер (Грис) был наш человек, и чрез него я переправлял все свои доношения. Так же было поступлено и с отчётом по поводу Альперна.

В сентябре того же года Гирш Альперн был отряжен в Санкт-Петербург, к самому военному министру. Михаил Богданович, в частности, заметил Гиршу: «Его Величество, в вознаграждение ревности вашей повелел соизволить вручить вам подарок (это был перстень в 400

рублей – примечание графа Витта). Исполняя высочайшую волю, мне приятно надеяться, что вы и впредь потщитесь оказывать ваше усердие».

Я очень горжусь тем, что именно чрез меня история с Альперном дошла до начальства и даже до государя. Но более всего отрадн то, что случай с Альперном вовсе не был с исключением (имею в виду не награду, а то, что Гирш совершил).

В герцогстве жидовских лазутчиков ловили. Подозревали со всеми на то основаниями, а вот толку от этого не было никакого. Не пускать же их на территорию герцогства тоже было нельзя. Торговля с приграничными областями шла оживлённейшая, и запрещать её было бы крайне глупо, иначе жизнь герцогства, обременённого тяжелейшими военными поборами, совсем бы задохнулась. Вот жидки и расплозились, как тараканы, по территории герцогства. И вот что ещё тут нужно помнить.

Услуги в отношении разведочной части оказывали не только отдельные жидаы, но и целиком ихние кагалы, которые заботились о поставлении нам необходимых сведений, и указывали для этой цели наиболее надёжных и расторопных лиц. Где уж тут было справиться Буонапартию и его самоуверенным соглядатаям в герцогстве Варшавском?!

Глава шестая. 1811 год. Октябрь

Кроме бюро французского резидента, во главе с бароном Биньоном и репрессивного аппарата коменданта Сонье, на Буонапартия целиком работали разведочные службы герцогства Варшавского.

Начальник Генерального штаба герцогства, генерал Станислав Фишер, ведал ближней, то бишь приграничной, разведкой. А вот за глубинную, настоящую разведку, направленную супротив нас, ответствен был Юзеф Понятовский, блистательный генерал и военный министр герцогства. Естественно, последний находился под особым моим присмотром.

Как уже говорилось, я решительнейшим образом приударял за милой его сердцу мадам Вобан, а Юзефа моя, в свою очередь, интриговала с самим князем. И в этих обоюдных усилиях мы достигли немалых в общем-то результатов.

Как я уже говорил, я не знал тогда, что Юзефа находилась в тайной переписке с нашим государем, но я заметил, что она слеживает за мной и любит рыться в моих бумагах. Тогда я это приписал тому, что она ревнует к отношениям моим с наипрелестнейшей мадам Вобан, подозревая подлинную страсть. Я пробовал разуверить Юзефу. Но она не оставляла своих регулярных досмотров.

Теперь-то я понимаю, что Юзефа действовала по распоряжению Александра Павловича, но то было время хоть и суровое, но романтическое, и я был ещё романтик и не подозревал истинных мотивов поступков Юзефы.

Итак, мы атаковали князя Понятовского и пассивность его. Должен признаться, что первой добилась успеха Юзефа. Воинственный князь сдался первым, не выдержав волшебных чар жены моей. Это только подстегнуло меня, и я со всёусиливающимся упорством продолжал действовать, и вскоре пала прельстительная крепость, именуемая мадам Вобан.

Сходясь в супружеской нашей постели, мы неизменно делились достигнутыми результатами и обменивались добытыми сведениями. Должен сказать, что мадам Вобан почему-то оказалась менее болтливой, чем военный министр герцогства, но, конечно, и от неё я узнавал в итоге массу полезного, захватывающего и даже представляющего чрезвычайный международный интерес. Но всё-таки моя прелестная валькирия Юзефа, признаюсь, частенько опережала меня; на первых порах, во всяком случае.

А сейчас позволю себе одно маленькое отступление.

В первых числах октября 1811 года Варшаву прибыл инкогнито, с тайным визитом, новоиспечённый полковник Мишо (в будущем граф российской империи и генерал-адъютант) – в ту пору он состоял в свите Его величества Александра Павловича по квартирмейстерской части.

Остановился Мишо у нас, в особняке Валевских, под видом пьемонтского путешественника (он и был родом из Пьемонта).

Истинной цели своего визита Мишо никоим образом не разглашал, отделиваясь разного рода фантазийными объяснениями. Soit!

На сей раз истину открыла обычно малословноохотливая мадам Вобан.

Наконец-то я с величайшим трудом и после многократнейших усилий добился от неё полной физической взаимности. И вот посреди самых настоящих любовных утех, мадам Вобан вдруг чрезвычайно игриво округлила живые игривейшие свои глазки, даже подмигнула, а затем шепнула мне на ушко:

«Ян (в герцогстве я фигурировал как Ян), душка, могу тебя сильно изумить. Знаешь, что предложили на днях князю Юзефу?! Ты не поверишь никогда. Император Александр предложил перейти ему на русскую службу...»

Вот это была новость! И тут-то я и понял, зачем прибыл в Варшаву полковник Мишо. Я догадывался, что он прибыл от нашего государя. Но не знал, с какою целью.

Но мадам Вобан ещё не окончила своё феноменальное признание: она только начала его, самое пикантное припрятав под конец:

«Князь ответил весьма уклончиво, но он не примет сего предложения. Более того, он известил уже обо всём французского императора».

При этих словах мадам Вобан засмеялась, обвила мне шею лебедиными своими ручками и подарила один из нежнейших поцелуев.

Мадам Вобан явно гордилась своим покровителем, а для нас сообщённая ею новость была очень даже грустная. Выходит, теперь Боунапарте уже точно знает, что не только он, но и мы готовимся к новой войне, и уже не на жизнь, а на смерть.

Мишо я ничего не рассказал, но быстренько сочинил докладную записку, слетал в Радзивиллов, вручил почтмейстеру Гирсу, а тот уже переправил срочный мой пакет в Вильну, к Барклаю.

Между прочим, князь Юзеф Понятовский был ведь очень давним врагом российской империи. Ещё при Екатерине Великой он воевал с нами, и успешно. Потом император Павел, желая задобрить князя и насолить покойной матушке своей, произвёл его в российские генерал-поручики, но Понятовский отказался. То была самая откровенная оплеуха, нанесённая нам. В октябре же 1811 года сыну Павла была нанесена оплеуха хоть и не публичная, но весьма обидная и с последствиями.

Полковник Мишо узнал о досаднейшем провале своей миссии уже в Санкт-Петербурге, когда государь показал ему моё послание к Барклаю.

Глава седьмая. Ноябрь-декабрь 1811 года

Князь Юзеф Понятовский, как я уже подчёркивал выше был военным министром герцогства. Но одновременно он ещё возглавлял все военные силы герцогства, был главнокомандующим. В этом качестве своём он проявлял совершенно особый интерес к разведочной деятельности, и даже более того.

Понятовский, явно превышая свои полномочия польского главнокомандующего, курировал и даже самолично засылал лазутчиков на глубинные территории Российской империи.

Я доподлинно знал, что планы сих экспедиций он разрабатывал совместно с самим Боунапартом. Во всяком случае, французский император в том или ином виде знал обо всех этих планах, и они были им одобрены. Вообще предлагать князю Юзефу перейти на русскую службу

– было верх легкомыслия. Он был заклятый наш враг, и было ясно, что все подчинённые ему войска при начале боевых действий волеются в армию Боунапартия.

Кто и с какою целию засылается к нам – вызнать об этом было совершенно необходимо, и тут уже мадам Вобан явно не могла помочь. И всё же сия прелестнейшая особа и в данном случае оказала и мне и империи Российской неоценимую услугу, и вот какую.

Мадам Вобан всё более привязывалась ко мне, много, нежно и подолгу стала ворковать со мною. И вот как-то в её капризной болтовне я различил одну мало значащую как будто фразу, которая очень даже привлекла моё внимание. Вот что именно сорвалось с чудных губок моей новой избранницы: «Дружок, Янек, ты всё-таки такой милый. А вот Юзеф совсем отбился от рук, и даже совсем чепуховые мои просьбочки перестал исполнять. Представляешь?»

«О чём же ты просила его, как всегда, о чём-нибудь невозможном?» – со смехом спросил я.

«Ну что ты, Янек. Я просила о сущей-сущей чепухе. Понимаешь, к нам зачастил с некоторых пор один препротивнейший субъект – пан Ян Володкевич. Ну и что, что он генерал, ну и что, что он известен хорошо самому императору! Я не желаю его видеть у себя в гостях. Но князь стал такой противный: ни в какую, и всё тут. И Володкевич каждый день у нас».

Message, посланный мне прелестною мадам Вобан (случилось это в последних числах ноября 1811 года), я оценил в полной мере и сделал соответствующие выводы.

Переговорив с задушевным другом моим графом Михалом Валевским, и сказав, что я ревную к генералу Володкевичу, ухаживающему будто бы за мадам Вобан, попросил графа приглядеть за сим Володкевичем. Граф с удовольствием согласился и вскорости доложил о своих результатах.

Оказывается, пан Володкевич каждый вечер, с семи до одиннадцати часов, проводит в особнячке мадам Вобан; правда, там эти часы неизменно проводит и князь Понятовский. «Так что причин для волнений нет никаких: успокойся!» – присовокупил к своему рассказу Валевский. И ещё он поведал, что Володкевич никогда не расстаётся с объёмистым портфелем, выделанным из яркой светло-жёлтой кожи. Это уже было важно, и даже очень.

Через пару дней я ловко разыграл пред графом Михаем приступ ревности и заверил его, что в жёлтом портфеле пана Володкевича непременно должны находиться любовные записочки его к мадам Вобан. Я попросил графа раздобыть мне сей портфель, дабы убедиться: его содержимое включает в себе признания влюблённого генерала.

Валевский обещал мне оказать всемерное содействие. И вот числа, кажется, пятнадцатого того же ноября месяца, он, прихватив с собою слугу своего англичанина, отлично боксировавшего, подкараулил генерала Володкевича, поздно ночью выходявшего из особняка мадам Вобан. Генерала порядком поколотили, а портфель был доставлен мне.

На следующий день граф Михайл спросил у меня: «Ну, что, она и в самом деле вам изменяет?» Я отвечал, что граф был, видимо, прав – искомые записочки обнаружены не были. «Ну, вот видите» – отвечал Валевский, а потом шутливо осклабился: «Может, теперь поколотить князя Понятовского? Имейте в виду: я готов».

Вообще, мне кажется, Валевский каким-то образом догадывался о двойном характере деятельности моей в герцогстве, но никаких подтверждений на сей счёт у меня не было и нет.

Подробнейшим образом изучив портфель генерала Володкевича, я скоро убедился, что содержимое его имеет для нас просто неоценимое значение.

Оказывается, сей Володкевич, получая задание от Понятовского (читай: императора), брал отпуск и отправлялся в Россию. В тайных своих командировках он занимался сбором сведений о топографических съёмках, данных об урожайности и возможности доставки кормов для кавалерий. Заполучить всё это император просто жаждал.

Отобрав наиболее ценные бумаги и сопроводив их своим отчётом, я отправился в Радзивиллов, а почтмейстер Гирс переправил оттуда бесценный мой пакет в Вильно, к Барклаю.

Добытые документы, конечно же, были исключительно важны, но самое главное было то, что генерала Володкевича нам более никак нельзя было выпускать из виду, и особенно быть начеку, когда тот просится в отпуск.

Декабря 4 дня 1811 года мадам Вобан получила от меня в подарок отличнейший перстень, украшенный настоящим бриллиантом, но, конечно, даже и представить себе не могла, отчего это я так вдруг расщедрился. Она не догадывалась, что заслужила сей перстень не только потрясающими своими ласками.

А Юзефу и графа Михала я пригласил на ужин в один обнаруженный мною недавно в предместьи Варшавы совершенно потрясающий погребок, и мы отличнейше провели вечер. Между прочим, когда уже подали десерт, Юзефа моя, сохраняя совершенно невинный вид, вдруг сказала:

«Мы вот разгуливаем по ночам. А ведь тут становится опасно. Слышали, недавно ограбили и ещё поколотили при этом самого генерала Володкевича?»

При этих словах граф Михал лукаво ухмыльнулся, в моём же лице не шевельнулся буквально ни единый мускул.

Я думаю, они оба могли довольно о многом догадываться, но на самом деле какое это имеет значение?!

Глава восьмая. С марта 1811 по май 1812 года

У меня с генералом Понятовским были и свои собственные отношения. Но только их неизменно отличал сухой официальный тон. Чем это было вызвано? В точности до сих пор не знаю.

Конечно, князь Юзеф был прекрасно осведомлен, что я – доверенное лицо Боунапарте, но и это отнюдь не располагало его почему-то к особой доверенности на мой счёт.

Может, ему не нравилось, что у меня и мадам Вобан – отношения? Думаю, это не слишком его волновало. Он ведь и сам имел отношения с моею Юзефой (может, ему было неудобно?). Так что всё как будто было компенсировано.

Так или иначе, но по каким-то причинам князь не имел намерений со мною сближаться. Побаивался, что ли? Тоже не знаю. Не доверял, подозревал во мне шпиона? – возможно, но не думаю.

Понятовский ведь знал, что мне доверяет сам император Франции, и полностью доверяет. Потом, ежели он и в самом деле подозревал меня, то должен было довести своё мнение до сведения Боунапарте, и тот как-нибудь бы отреагировал, но ведь никакой реакции не последовало – выходит, и доноса не было.

Тем не менее князь Понятовский не делился со мною своими шпионскими тайнами, и в результате мне приходилось действовать окольными путями, дабы можно было вызнать хоть какие-то из его секретов.

Но я, собственно, и не пытался влезть в доверие к великому польскому военачальнику, и сам держался довольно-таки в сторонке. Мне вполне хватало того, что я узнавал от мадам Вобан, и что моя Юзефа узнавала от князя в минуты интимной близости.

Так что официальность отношений моих с военным министром герцогства и польским главнокомандующим не имела на самом деле ровно никаких отрицательных последствий.

Не исключено даже, что самая официальность эта являлась как раз тем, что было очень даже необходимо, ведь в случае сближения нашего, князь, военный божиею милостию и тончайший знаток шпионских дел, мог бы вполне догадаться, что я на самом-то деле верен вовсе не Боунапартию, а исключительно российскому императору Александру Павловичу.

Так что всё, что было, было к лучшему – я совершенно убеждён в этом.

Глава девятая. 1812 год. Месяц май

В мае 12-года барон Биньон был отставлен с поста директора бюро французского резидента в герцогстве Варшавском. При этом сей умный, но бесконечно наивный человек, хоть и дипломат, как видно, даже и не думал предполагать, что неудача его миссии напрямую прежде всего связана именно со многими моими действиями. Он считал, что едва ли не всё дело в жидях, наводнивших герцогство. Это, конечно, важный фактор, но всё же отнюдь не исключительный.

Итак, барон ничуть не догадывался и об моих кознях, и он совершил, как я уже писал выше, может быть, самую большую ошибку в своей жизни – отбывая в Париж, оставил у меня на сохранение все бумаги своего бюро, дабы я их вручил тому, кто займёт его место.

Архиепископ Прадт, назначенный на место барона, прибыл в Варшаву мая 25-го дня. Я обещал ему доставить биньоновские портфели, но так и не успел. Зато такая возможность вскоре представилась Барклаю де Толли, военному министру российской империи.

Вообще зная то недоверие, которое Боунапарте имел к духовенству, все в Варшаве были поражены таким назначением, но всё дело в том, что Прадт был агентом императора ещё в испанских делах и находился в ссоре с римским папою. Ещё в апреле месяце Прадт получил приказание следовать за императором в Дрезден, а оттуда он был отправлен в Варшаву с поручением готовить поляков к предстоящим военным действиям против Российской империи.

При этом, сказывают, Боунапарте заявил с присущей ему цинической резкостью: «Вы должны понимать, что я призвал вас не для того, чтобы отправлять там церковную службу. Надобно держать в руках целое государство. И смотрите за женщинами: они имеют большое значение в стране. Доведите поляков до восторга, но не до безумия».

Ещё архиепископу дана была и письменная инструкция (он мне показывал её). Прадт должен был возбуждать и говорить полякам о военных приготовлениях, но не был уполномочен обещать им восстановление Польши. Как писал потом саркастически Биньон в своих записках, «Польша должна была сама победить Россию (!!!). Таковы были желания, намерения и инструкции, данные Наполеоном новому чрезвычайному посланнику».

Прибыв в Варшаву, Прадт поместился во дворце Станислава Потоцкого. Вообще он обнаружил вдруг и сразу пышность в образе жизни своей и открыл свой дом для всех, кто желал засвидетельствовать ему своё почтение, как представителю великого Боунапарте.

Архиепископ начал давать вечера, на которых появлялось множество дам. Полякам внове было видеть человека, имевшего веский духовный сан, окружённого красивыми молодыми слушательницами, старающимся занимать их и удовлетворять малейшие их прихоти со всею угодливостью французского придворного.

Как поляки ни любили роскошь, как ни подчинялись они охотно власти французского императора, но с трудом переносили поступки его посланника. Поляки увидели в архиепископе лишь высокомерного болтуна, и Прадт незаметно для себя сделался орудием многих из тех, о ком так презрительно отзывался. А тем, что он был исключительнейший дамский угодник, этим нельзя было не воспользоваться, и этим мы воспользовались.

Мне ясно было сразу: Прадт с легкостью упустит даже то небольшое, что удалось сделать барону Биньону. Так что новая кандидатура главного координатора разведочных действий в герцогстве меня устраивала полностью.

Почти одновременно с посланником-архиепископом в Варшаву въехал и новый комендант – генерал Дютальи (полковник Сонье был смещён), но это уже по сути ничего не меняло. Шпионская битва была Боунапартием проиграна.

Да, и последнее, наконец.

Моя ненаглядная Юзефа произвела на архиепископа Прадта просто грандиозное впечатление, и это было совершенно великолепно – понял я сразу и возрадовался необычайно. Князь Михал меня полностью поддержал. Успех Юзефы был очень многообещающим.

Отныне мне можно было смело покидать территорию герцогства, что я и сделал. Доставшуюся мне канцелярию барона Биньона надо было спешно вывозить – это был не один пакет и даже не два пакета, а с десяток портфелей.

Улов был поистине богатейший! Это вскорости безоговорочно признали и Барклай и сам государь Александр Павлович.

Глава десятая. 1812 год. Первые числа июня

«Милёночек мой Янек! Я страх как по тебе соскучилась, просто изнываю вся. Поверь уж мне, родной.

Приходи ко мне сегодня вечером, часам к девяти. Князя Юзефа к этому времени уже у меня не будет: он зван на ужин к архиепископу Прадту.

Приходи, Янечек. Никоим образом не пожалеешь. Буду ласкать тебя и нежить до полнейшего изнеможения. И никаких капризов с моей стороны более не будет.

Твоя ненаглядная В.»

Это записка ко мне от мадам Вобан, дамы прелестнейшей и своенравной.

Дата на записке не проставлена, но помню, что получил её я буквально в первых числах июня 12-го года, совсем незадолго до отбытия моего из герцогства.

Должен сказать, что мадам Вобан крайне тяжело переживала скорый мой отъезд из Варшавы. Я говорил ей, что возвращаюсь в Париж. В самом деле, не мог же я ей сказать, что собираюсь в Россию, ведь мы знали уже, что война вот-вот начнётся, и что счёт идёт буквально на считанные дни.

Хотя мадам Вобан и делила себя между мною и князем Понятовским, я уверен, что в первую очередь был ей мил именно я. Всё дело в том, что в подарках был я гораздо щедрее, да и опытность моя любовная значительно больше.

Правда, как писала мне потом моя Юзефа, мадам Вобан по моём отъезде почти сразу же утешилась и опять стала безоговорочно боготворить своего князя.

Или Юзефа наговаривала на чаровницу мадам Вобан? Нет, не думаю. Должен сказать, чем никогда в отношениях со мною Юзефа не отличалась, так это как раз ревностью. Хотя, кто знает...

Впрочем, главное совсем не это. Существенно было вот что: после отъезда моему Юзефа моя регулярно пересылала мне записочки, и в них, между, прочем, регулярно сообщала о действиях и разговорах архиепископа Прадта.

А с мадам Вобан я встретился через три года (в 1815-м), во Франции, в Мобеже, где была штаб-квартира нашего экспедиционного корпуса. Мадам Вобан находилась тогда на содержании у графа Михайлы Воронцова, командира корпуса, а я был при нём генералом для особых поручений.

Между прочим, государь назначил графа Воронцова командиром экспедиционного корпуса по представлению герцога Веллингтона. Сам же Александр Павлович не очень доверял графу, ещё со времён Тильзита.

Меня Его Величество сделал генералом для особых поручений при командующем экспедиционного корпуса, дав конфиденциальное поручение присматривать за ним.

Так что я возобновил отношения свои с мадам Вобан. Пришлось, можно сказать.

Она не мало могла поведать весьма любопытного и важного о графе Михайле Семёновиче, и так поведала.

Государь остался мною весьма доволен, а я, в свою очередь, был доволен мадам Вобан. Кстати, о былом своём покровителе, князе Понятовском, она в обильных разговорах со мною ни разу даже не вспомнила.

Но что-то я забежал вперёд. Возвращаюсь назад, в герцогство Варшавское.

Глава одиннадцатая. 1812 года, июня 13 дня. Побег, а точнее возвращение на круги своя

1

Я был осведомлён, что в те июньские дни Боунапарте, бесовская энергия коего возросла просто тысячекратно, метался просто как бешеный. Из Дрездена ринулся в Познань, а оттуда помчался в Данциг, и там даже задержался – совсем не случайно, между прочим. Из Данцига полетел в Вильковитки, там подписал прокламацию «Россия увлекается злым роком», хотя злым роком увлекался он сам, и потом уже к Неману, чрез который было наведено три моста.

Но сейчас остановлюсь на Данциге – это ещё с 1810-го года был для Боунапарте крайне важный шпионский пункт.

В Данциге именно было расположено разведочное бюро Эльбского корпуса маршала Даву. Директором сего бюро был генерал Жан Рапп, одновременно назначенный и губернатором Данцига. К нему стекались сведения, добытые французскими лазутчиками в герцогстве Варшавском. Он сам засылал своих людей на территорию Российской империи. Кроме того, в Данциге под его началом гнездилась целая флотилия «корсаров», которая использовалась для разведочных целей и перехвата российских судов.

Так вот, когда Боунапарте примчался в Данциг, то генерал Рапп без обиняков заявил ему (адъютант Раппа был моим человеком и всегда своевременно сообщал мне, что происходило в данцигском бюро), что считает русскую кампанию губительной по своим последствиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.